

Г-598с.3

23518

80939
и. 14977

ПРОВЕРКА
1937 г. № 17

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

А. Г. ГОИХБАРГ.

Действительный Член Социалистической Академии Общественных Наук.

34
Г-59

~~и. 09521~~

602058

310980
242960
286010

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ═══════ ═══════ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(ВВЕДЕНИЕ).

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА.

Советское право

* Издание Народного Комиссариата Юстиции.
Москва—1919 г.

A. T. TONKHAFT

ALL RIGHTS RESERVED BY THE AUTHOR. PRINTED IN U.S.A.

1932

Copyright

310980

Stal

Copyright 1932 by A. T. Tonkhaf

U.S. PATENT OFFICE

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Топор приложен к самым корням буржуазного строя.. Буржуазный строй, строй частной собственности и наемного рабства, строй магнатов капитала и армии угнетенных трудящихся и безработных,— во всем мире глядит в глаза неизбежной смерти. Намечаются, уже не как прежде в тумане, а ясно очертания нового строя, строя коллективного труда всех на пользу всем. Этот новый строй не родится сам собою. Его придется вводить. Всему миру предстоит выполнение огромных революционно-преобразовательных задач, задач перестройки всего общественного фундамента и на нем возвышающихся надстроек. Предстоит работа лихорадочно-вулканическая, ибо действия медленные, на долгие годы затягивающиеся, были свойственны прежним властителям судеб миллионных масс, властителям, которые всякое улучшение положения трудящихся, являвшееся святотатственными посягательством на их Бога—прибыль, стремились оттянуть, отложить в долгий ящик под тем предлогом, что необходимо действовать осмотрительно, не спеша, с оглядкой, взвешивая все за и против и т. д. Пролетариату же, т. е. во всем мире подавляющему большинству народа, который станет у власти, незачем к такой оттяжке прибегать. Наоборот, пролетариат будет страстно стремиться возможно скорее улучшить свое положение, т. е. положение почти всего народа, почти всего человечества. Он не будет знать усталости в этой своей работе; то что мыслимо сделать в год, он будет стремиться совершить в месяц; на что необходимо затратить месяц, он постарается закончить в несколько дней.

Преобразовательная работа ставших распорядителями жизни трудящихся масс будет совершаться не только с лихорадочно-вулканической поспешностью. Трудящиеся массы не побоятся часто, очень

часто критически проверять свои меры и действия, заполнять пробелы, отбрасывать оказавшееся негодным или мало пригодным, развивать дальше здоровые и полезные начала. И в этом отношении трудящиеся распорядители и устроители жизни не станут подражать прежним владыкам. Те, приняв какую-нибудь меру, придав ей форму закона, страшились коснуться ее, представляли себе чрезвычайно опасным отмену или изменение закона, хотя бы на практике обнаружилась негодность этого закона для них самих, его мертворожденность, его неудобства и неполнота. Они должны были, им приходилось внушать „народу“, трудящимся, почтение и уважение к закону, изображать закон чем-то незыблемым. Лучшим законом был в их глазах не тот, который создан современниками, а тот, который появился при предках, в создании которого современники никакого участия не принимали, и который поэтому мог быть окутан дымкой таинственности и чуть ли не божественного происхождения. Особого, сверхъестественного почтения к делу рук своих люди не питают. Поэтому самые важные законы, своды законов, кодексы законов должны были в буржуазном строе сохраняться века, хотя бы содержание их переставало обнимать живую жизнь и ей соответствовать. Если увидишь, как в кухне готовится кушанье, то оно потом не покажется особо привлекательным. И если буржуазии хотелось, если ей необходимо было внушить трудящимся массам страх божий пред законом, она, естественно, не могла допустить, чтобы эти трудящиеся массы присутствовали при тех махинациях, которыми сопровождается издание законов, об'емлющих многообразные стороны жизни. Буржуазия старалась и продолжает всеми силами стараться оставить в неприкосновенности кодексы своих законов, сохранить их каменную неизменность *). Кодекс законов скандинавских государств написан почти два столетия

*) Ср. характеристику прежних кодексов, прежних сводов законов у Шелли.

... Точно камень он,
Глухое изваянье, свод законов,
Устав церковный, а не человек.

(Поэма „Ченчи“).

Опасное значение создания кодексов для современников, для народа, присутствующего при их издании и поэтому утрачивающего чувство пиетета к праву, формулировал уже очень давно Шталь в одной из своих речей в палате (приведено у *Ihering*—*a Geist des römischen Rechts* т. 2 стр. 29): «Форма кодекса разрушает или, по меньшей мере, колеблет везде твердые, постоянные правоотношения, твердое, постоянное правосознание; она во всяком случае разрушает наивность правосознания; она более всего вредна для сельского населения, ибо если последнее вырывается из состояния невинности и поощряет»

тому назад. Кодексы и уложения французские и австрийские появились в начале XIX века. И тем не менее они (на бумаге) остаются неизменными. Проходили десятилетия. Во Франции империя сменялась королевством, королевство—республикой, республика—империей, империя снова—республикой, а кодексы французских законов оставались теми же, заменив разве только название—Наполеонов кодекс—иным, не содержащим в себе упоминания о Бонапарте.

И когда не так давно во Франции и в Австрии праздновали (в 1904 и 1911 гг.) столетие появления этих кодексов, буржуазные ученые на разные голоса чванливо подчеркивали сохранение этих кодексов, несмотря на огромнейшие изменения жизни, которую они призваны были регулировать *). Но, хвастливо отмечая неизменность закона наряду с изменчивостью жизни, ученые эти незаметно для самих себя, выносили смертный приговор своим законам, воочию доказывая, что законы, их сохранение на бумаге имеет только одну цель: быть уздой и пугалом для подавляющего большинства народа, для трудящихся масс.

Трудящиеся массы, ставшие распорядителями жизни, не имеют никаких оснований создавать для себя законы—идолы, законы—фетиши, законы—пугала. Они—подавляющее большинство народа, они—почти весь народ, они станут всем народом. И им некого стращать идеей незыблемого закона, им не для кого облекать свои законы в мистические, таинственные покрывала. Для них законы, ими издава-

ся к размышлению о том, что могли быть созданы отношения, совершенно противоположные существующим, то для него не остается уже никакой сдержки и никакого почтения к праву". Правда, Гегель назвал этот страх перед кодексами Шталей, Савиньи и др. „одним из величайших оскорблений (de grössten Schimpfe), какие могут быть нанесены нации или сословию юристов“.

*) Так например, в речах, которые были произнесены на банкете по случаю столетия французского кодекса, подчеркивалось неоднократно, что кодекс должен быть сохранен. „Сегодня, этой работе минуло сто лет, и она все еще живет и все еще достойна восхищения“, заявил первоприсутствующий кассационного суда, Балло-Бопре. „Принципы, изумительным выражением которых является гражданский кодекс Франции, продолжают регулировать интересы и акты частной жизни бельгийцев“, сказал бельгийский министр Жен. „Ваш гражданский кодекс должен был чудесным образом отвечать потребностям Франции и Европы в эпоху своей выработки, если он мог противостоять стольким натискам в течение целого века, и какого века! Века преобразований по преимуществу, века пара, железных дорог, телеграфов, века, который больше всякого другого века за последние тысячу лет перевернул все экономические и социальные условия существования частных лиц и государства“, восклицал швейцарский посол Ларди (см. *Le centenaire du code civil*, 1914, стр. 24, 62 и 70). Двухтомный сборник (*Le Code civil, Livre du centenaire*, 1904), посвященный чествованию этого гражданского кодекса, начинается следу-

емые, суть не более, как эвристические принципы, правила годные и полезные лишь до тех пор, пока они разумно и целесообразно регулируют жизнь. Но стоит только появиться в жизни фактам иного рода, фактам, требующим иных правил, стоит только убедиться, что найденные правила оказались в какой бы то ни было степени неудобными, не охватывающими уже имеющиеся жизненные явления—и трудящиеся массы, не задумываясь, немедленно заменят их новыми, более целесообразными правилами.

II.

Пролетарскую власть в этом случае станут обвинять в экспериментах, иными словами в том, что она стремится *подыскать* наилучшие *формы* жизненных явлений, общественных отношений. Но почему же эксперимент столь приветствуемый во всех других областях, сразу становится чем то непохвальным, если его применить к отношениям людей друг к другу? Почему то, что в течение XIX и XX веков, во всех областях человеческих завоеваний, в деле победы над природой, ее тайнами, ее скрытыми благотворными силами,—давало наилучшие результаты, становится неприемлемым в деле освобождения людей от гнета и власти себе подобных?

Если бы эти эксперименты в области отношений людей друг к другу делались наобум, не на основании материалов и данных преж-

ющими словами Альберта Сореля: „Кодекс, который в течение века регулирует в большой стране отношения людей друг к другу, который по истечении этого века, несмотря на такие изменения в социальной жизни, сохраняется в своих существенных частях и для того, чтобы отвечать новым условиям жизни общества, нуждается только в развитии согласно с проникающим его духом и в дополнении сообразно тем же методам, какие применялись при его выработке,—есть работа редкая и величественная“ Такие же мысли высказываются и в двухтомном сборнике, посвященном столетию австрийского гражданского уложения. Такие и им подобные заявления каким то странным образом совмещаются у их авторов с заявлениями иного рода. Так, тот же Балло-Бопре в своей речи дальше сказал: „Я думаю, что судья не должен упорно стремиться найти, каковы были, сто лет тому назад, мысли авторов кодекса при редактировании ими той или иной статьи; он должен спросить себя, что было бы, если бы они ту же статью редактировали сегодня; он должен сказать себе, что в виду всех тех изменений, какие в течение века произошли в правах, в учреждениях, в социальном и экономическом состоянии Франции, справедливость и разум требуют, чтобы текст закона либерально, гуманно приспособлялся к действительности и к потребностям современной жизни“ (т. же, стр. 27). Но почем же не законодателю всякий раз приспособлять закон к потребностям современной жизни. Повидимому, только из страха перед подрывом уважения к ненародному праву со стороны народа, народных масс.

него времени, не на основании *опыта*, складывавшегося в недрах отмирающего и отмершего общественного уклада, то и в этом случае не следовало бы особенно против таких экспериментов возражать. Совершенно новый общественный строй, коренным образом от предыдущего строя отличающийся, не должен обязательно находиться в *преемственной* связи с последним. Революционный *разрыв* с прошлым — вот сущность революции, в том числе и революции социальной, в отличие от эволюции социальной. Социальная эволюция есть наслаивание некоторых более или менее крупных изменений на остающейся *неизменной основе*. Только во время социальной эволюции всякая работа может совершаться на основании долгого опыта, но лишь потому, что в сущности ничто не меняется, что основа остается прежней. В эпоху же социальной революции опыта почти быть не может. Все приходится пробовать впервые, а при неудаче — заново.

Утверждение, что наслаивание более или менее крупных изменений, дойдя до известного предела, даст в результате совершенно изменившуюся общественную основу, что количество и здесь, достигнув известной степени, перейдет в качество, — такое утверждение может показаться на первый взгляд, с точки зрения диалектического материализма, правильным. Но в действительности оно основано на недоразумении. Наслаивание более или менее крупных изменений на остающейся неизменной основе, может *подрывать* эту основу, может подготовить силы, которые эту основу захотят и будут в состоянии разрушить, может, таким образом, путем *активного* применения этих сил, разрушить старую основу, но создание новой основы является в этом случае задачей самостоятельной, подлежащей выполнению не на основании опыта, а посредством дерзаний, посредством нового организованного строительства. И учиться этому строительству можно главным образом или почти исключительно не на опыте прежнего, совершенно иного уклада жизненных отношений, не по книжкам, а на собственных делах, на собственных неизбежных ошибках.

Такое частичное наслаивание не коренных, не радикальных изменений общественного строя неоднократно давало повод как людям, и на словах далеко стоящим от всякого социализма, так и людям, называвшим себя социалистами, приходиться к тому заключению, что можно постепенно, без революции, без разрыва с прошлым строем, без его уничтожения „врасти“ в социализм, мирно и незаметно перейти из индивидуалистического в социалистический строй, проснуться в одно прекрасное утро в социалистическом раю.

Возьмем, например, французского юриста, профессора Дюги. Он

отнодь не социалист, он не принадлежит ни к какой социалистической партии и настойчиво это обстоятельство подчеркивает. Но он прочел целый курс лекций об общем преобразовании гражданского права в Аргентинском университете в Буенос-Айресе и издал этот курс в 1912 г. в Париже*), исходя в этом курсе из той точки зрения, что „юридическая эволюция, в своих общих чертах, тождественна во всех странах, достигших приблизительно той же ступени цивилизации, и характеризуется непрерывной и поступательной заменой юридической системы, характера метафизического и индивидуалистического, иной системой, характера реалистического и социалистического“. Он указывает далее: „Положительные законы, строгие тексты кодексов могут остаться неприкосновенными, это не так важно: силою вещей, под давлением фактов, практических потребностей, постоянно образуются новые юридические институты. Текст остается; но он лишается силы и жизни или же путем ученого и тонкого толкования ему придают такой смысл и значение, о каких и не помышлял законодатель, когда составлял его“. Наконец, указав на постепенное уничтожение и разрушение индивидуалистического понятия права, он добавляет: „Но в то же время во всех американских и европейских обществах, достигших той же ступени культуры и цивилизации, вырабатывается на других основах новая система; система, степень развития которой больше или меньше в каждой стране; правовая система, которая, мало по малу, под давлением фактов, заменяет старую систему; при том без всякого вмешательства со стороны законодателя, несмотря на его молчание, и я бы мог сказать, временами несмотря даже на его вмешательство в противоположном духе“ **).

Такими взглядами, в сущности, был проникнут и весь ревизионизм, основоположником которого явился именовавший себя социалистом, теперешний независимый немецкий социалист, Эдуард Бернштейн. Все построения „социалистического“ ревизионизма были прекрасно охарактеризованы Кларой Цеткин на партийном собрании германской социалдемократии, собравшемся в 1898 г. в Штутгарте (во время дебатов о Бернштейне—Bernstein—Debatten). Клара Цеткин тогда сказала: „Согласно взглядам Бернштейна, капиталистическая собственность, благодаря контролю закона и профессиональных союзов, ограничивается до такой степени, что в одно прекрасное утро *у самого капи-*

*) Léon Duguit, Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoleon, Paris, 1912, стр. II+206.

**) Там же стр. I—II, 3—4, 19.

тамиста пропадет охота обладать собственностью, в виду того, что собственность его сохраняется за ним только, так сказать в виде *фикции права*. Такой взгляд не может быть для нас безразличным, так как если бы мы разделяли точку зрения Бернштейна, мы должны были бы поставить во главу угла не завоевание *политической власти* в капиталистическом обществе, а *достижение отдельных мелких социальных реформ*, при помощи которых, по мнению Бернштейна, подготавливается социалистическое общество, и мы таким образом получали бы тут кусочек социалистического общества будущего, там—кусочек, которые нам пришлось бы только, так сказать, сшить вместе“ *).

Сам Берштейн на том же партийном собрании поддерживал тот взгляд, который так рельефно вскрыла Клара Цеткин. Он сам не присутствовал на партийном собрании, но просил Бебеля огласить его заявление, в котором содержались такие слова: „Мы видим, что политические привилегии капиталистической буржуазии во всех передовых странах шаг за шагом отстают перед демократическими учреждениями. Под влиянием этих учреждений и под напором все более мощно развивающегося рабочего движения установилось общественное противодействие эксплуататорским тенденциям буржуазии... Но чем более демократизируются политические учреждения современных наций, тем более уменьшается необходимость больших политических катастроф, тем более устраняются поводы к таким катастрофам... Но разве завоевание политической власти пролетариатом означает только завоевание этой власти посредством *политической катастрофы*. Разве такое завоевание власти означает исключительное овладение и использование государственной власти пролетариатом против всего непролетарского мира“ **.

Бернштейн здесь явно стал на точку зрения возможности и необходимости для пролетариата сотрудничать с враждебными ему классами, счел необходимым, полезным и достигающим социалистических целей сотрудничество таких враждебных и взаимно друг друга уничтожающих начал, как огонь и вода. Одиннадцать лет спустя, его тогдашний самый ожесточенный противник, а в настоящее время снова друг и единомышленник, Карл Каутский, вновь подтвердил полную бессмысленность такого соединения несоединимого, такого дружного сотрудничества класса—умирающего и класса—могильщика, полную невозможность *неисключительного* овладения пролетариатом государ-

*) См. Handbuch der socialdemokratischen Parteitage von 1863—1909, изд. 1910 г., стр. 82.

**) См. там же, стр. 83.

ственной властью для достижения своих социалистических целей, совершенную бесцельность использования захваченной власти не против всего враждебного пролетариату мира.

В своей работе „Путь к власти“, появившейся в 1909 г., К. Каутский в противовес Бернштейну и всем тем, кто шли за Бернштейном, заявляет: „Государственная власть есть орган классового господства. Но классовые противоречия между пролетариатом и имущими классами настолько сильны, что *пролетариат никогда не может править в государстве совместно с одним из имущих классов*“ (курсив мой, А. Г.)... Маркс и Энгельс... выковали понятие *диктатуры пролетариата*—которую Энгельс в 1891 году незадолго до своей смерти упорно отстаивал—понятие о *политическом единовластии пролетариата, как единственной форме, в которой он может осуществлять государственную власть* (курсив мой, А. Г.; *).

В настоящее время (эти строки пишутся на второй день после того, как оба, Каутский и Бернштейн, состоя в партии независимых социалдемократов, *прикомандированы* к бывшим военно-империалистическим, а теперешним „народным“ министрам) и Каутский и Бернштейн, повидимому, сошлись на том, что даже происшедшую вопреки всевозможным предсказаниям политическую катастрофу, которая дала бы возможность пролетариату захватить государственную власть, следует постараться использовать не исключительно пролетариатом и не против непролетарского мира, а служа и подчиняясь интересам этого обреченного на смерть (как бы ни старались его спасти) непролетарского, враждебного пролетариату, смертельно непримиримого, империалистического мира. Их ничему не научила опровергшая все их предсказания политическая катастрофа, свержение множества коронованных особ с престола; их ничему не научили эти сыплющиеся, как из ящика Пандоры, на грязную мостовую блестящие короны. Они думают, что, потеряв коронованных владык, можно и следует стараться спасти и поддержать некоронованных властителей трудящихся масс, всех этих пушечных, чугунных, железоделательных и им подобных королей, сохранить за ними принадлежавшую им на основании юридических титулов буржуазного строя собственность. Они готовы выхолостить происшедшую пролетарскую революцию, лишить ее всякого социального содержания. Они готовы прославлять революцию на словах, но убить ее на деле.

*) К. Каутский, Путь к власти, изд. 1918 г. стр. 8—9.

В 1848 г., в эпоху буржуазной революции в Германии, много смеха вызвало требование некоторых малограмотных политически жителей Германии ввести республику, но с великим герцогом во главе. Какой же гомерический хохот должно вызвать в настоящее время поведение не политических младенцев, а искушенных многолетней практикой политиков и социалистов, заявляющих, что в Германии вводится *социалистическая* республика, но с сохранением *собственно-*
сти.

„Независимые“ „левые“ социалисты Бернштейн и Каутский отрицают таким образом в настоящее время необходимость исключительной власти пролетариата и немедленной экспроприации экспроприаторов, как первого шага по пути к водворению социализма.

В одном отношении гораздо лучшим марксистом, гораздо правильнее представляющим себе задачи пролетариата по отношению к государству является австрийский социал-патриот Карл Реннер. Еще весьма недавно он печатно заявлял: „Государство станет рычагом социализма, и, по учению Карла Маркса, ясно, как день, что исторический переворот от капитализма к социализму должен совершиться в той форме, что это орудие *из одних рук перейдет в другие*“ *). Далее, тот же Реннер говорит: „Чрезмерно влияние класса капиталистов на государственную машину. Правда, растет и влияние пролетариата на государство, но интересы капитала все еще ставят ему узкие пределы. Государство должно освободиться. Оно должно быть свободным от уз, налагаемых на него капиталом, оно должно быть свободным на службе у преобладающего большинства человеческого рода, на службе у трудящихся классов... Завоевание политической власти пролетариатом—это равносильно освобождению государственной власти от господства капитала“.

Если разобрать эти утверждения Реннера, то можно увидеть, что он считает необходимым переход орудия классового господства—государственной власти—из одних рук в другие, из рук буржуазии и примыкающих к ней классов в руки пролетариата, что совместное обладание властью этими двумя классами немислимо, что необходимо устранение влияния на государственную власть капитала, что, следовательно, должно быть уничтожено общественное отношение, именуемое капиталом и состоящее в том, что средства общественного производства отделены от производителей и прикреплены на основании правовых титулов—собственности и договора—к отдельным частным

*) См. Karl Renner, *Marxismus, Krieg und Internationale*, изд. 1917 г., стр. 28.

лицам, короче, что первым актом пролетариата, захватившего или получившего в свои руки государственную власть, должно быть беспощадное посягательство на эти правовые титулы—собственность и договор, на эти основы подлежащего уничтожению капиталистического строя.

Тот же Реннер, помимо своей воли, признает, что пролетариат, если на самом деле желает насаждать социализм после приобретения политической власти, должен разбить старую государственную машину, предназначенную для выполнения совершенно противоположного рода задач. Он задается вопросом, что такое социализм с точки зрения юридической, и отвечает: „Рассматриваемый с юридической точки зрения социализм есть организация общества для решения его общих задач по управлению—вместо господства над людьми, вместо подчинения людей закону вещей (закону меновой ценности)“ *). Но так как буржуазная государственная машина (т акже и в странах с большими феодальными пережитками, как у нас) была рассчитана исключительно на господство над людьми, на подчинение их мертвому закону вещей, то, разумеется, эта машина не может оказаться в руках пролетариата, стремящегося к противоположным целям, пригодным орудием. Пролетариату необходимо немедленно сломать ее и заменить ее иной,—и только в этом случае он в состоянии окажется приступить к выполнению своей задачи, насаждению социализма, задачи, требующей для своего выполнения огромного труда, значительного времени, чрезвычайного напряжения энергии и большой любви к делу освобождения человеческого рода от всякого ига и угнетения. Всякая лишняя минута сохранения этой препятствующей работе старой государственной машины отдалает возможность приступить к выполнению социалистических задач пролетариата и поэтому является, не скажу преступной, но—с пролетарской точки зрения чем то худшим—крайне нецелесообразной.

Детской иллюзией является, по словам того же Реннера, мысль о возможности, получив государственную власть, установить путем декретов „государство будущего“ (*Zukunftsstaat*). „Эта иллюзия, говорит он, вытекает из своего рода бюрократического кретинизма; аргументация здесь напоминает переброшенного из естествознания в юриспруденцию Архимеда: Дай мне в руки бюрократический аппарат, и я переверну весь мир! Боже мой! Имеются марксисты, кото-

*) См. там же, стр. 26.

рые, как волшебник свои формулы, жарят наизусть целые предложения, целые страницы из Маркса и тем не менее настолько лишены всякого реального представления о государственном механизме, что воображают, будто возможно в любое время и в любом государстве—в Германии с ее юнкерской бюрократией, во Франции с ее мещанской армией чиновников, в Австрии с ее мелкобуржуазными должностными лицами, в России с ее подкупными ворами-чиновниками—насаждать социализм, стоит только поставить во главе совет рабочих депутатов *).

Какой же отсюда можно сделать вывод? Только тот, что бюрократическую армию во всех ее видах, что всякую существующую государственную машину пролетариат, захватив власть для водворения социализма, должен устранить, заменив ее временным государственным механизмом иного рода. И только тогда он не на шутку сможет приступить к делу социалистического строительства. В октябре 1917 года, пролетариат, захвативший в России власть для водворения социализма, так и поступил. Он прекрасно понял, что мало иметь во главе совет рабочих депутатов; он понял, он настолько имел реальное представление о государственном механизме, чтобы понять, что сохранение всего этого механизма с его администрацией, судами, а также банками и им подобными учреждениями означало бы сведение на нет всей пролетарской социалистической революции. Друзья и единомышленники Карла Реннера в Австрии и в особенности в Германии не следуют его указаниям. Они провозглашают социалистические республики, т. е. государственную власть, ставящую себе непосредственной задачей водворение социализма. Но они сохраняют неприкосновенной всю старую государственную машину, предназначенную для господства над массами, они сохраняют весь военный строй, полицию, жандармов, суды,—и думают при помощи этой машины изготовить такой продукт как социализм, только потому, что для виду во главе поставлено учреждение, именуемое советом рабочих депутатов. Так как нельзя допустить, что друзья К. Реннера настолько лишены всякого реального представления о государственном механизме, то невольно напрашивается сомнение на счет их желания на самом деле насаждать у себя социализм.

*) См. там же, стр. 30—31.

III.

Не разбив сразу старой государственной машины, старого строя правовых учреждений, не устранив людей, приученных долгим опытом к работе совершенно иного противоположного характера, не упразднив немедленно институтов, имевших своим назначением содействовать угнетению рабочего люда.—пролетариат не может приступить к плодотворной работе социального строительства.

Как можно, сохранив старое в какой бы то ни было степени, строить новое, которое является полным отрицанием этого старого? Для того, чтобы только *обезвредить* соответственную часть сохраняемого старого, пришлось бы создать столько же *противоположного* нового,—и в результате имелся бы нуль. Столько труда пришлось бы затратить для нулевых результатов. При полном же устранении старого, всякое положительное строительство нового давало бы осязательные результаты. Поэтому, чем меньше сохранить старого, тем меньше труда потребуется для создания новых положительных результатов.

Если правда (а это несомненно правда), что социализм есть организация, разумная и сознательная организация общества для полного и всестороннего удовлетворения материальных и духовных потребностей всех людей, это общество составляющих; если социализм, есть организация дружной, товарищеской борьбы с природой для покорения ее человеку, для вырывания все новых и новых тайн ее, раскрытие которых облегчает человеческую жизнь, делает ее более полной и многообразной,—то общество трудящихся, идущих к социализму, разумеется, должно приветствовать всякое открытие и изобретение, позволяющее при меньшей затрате человеческого труда получать тот же продукт или результат, при той же затрате труда—гораздо больше продуктов. При социалистическом строительстве диким представлялось бы утверждение, что такое открытие нежелательно, нежелательно, в частности потому, что оно вытесняет рабочих, создает „излишнее“ рабочее население, выбрасываемое на мостовую вследствие создаваемого изобилия продуктов. При социалистическом строительстве *разумное* изобретение не могло бы превратиться в *бессмысленный* бич, *благо*, заключающееся в сокращении массы труда, необходимой для изготовления потребного количества продуктов, или в увеличении количества изготавливаемых продуктов, не могло бы пре-

вернуться в свою противоположность, в *зло* для тех рабочих, чей труд это изобретение должно было сократить.

Поэтому при социалистическом строительстве всякое изобретение, всякая новая машина или усовершенствования в старых машинах или способах изготовления продуктов безусловно всеми будут и должны встречаться с радостью, как что-то избавляющее от некоторой доли изнуряющего труда или дающее для всех лишние предметы потребления. Нужны поэтому для социалистического строительства люди и организации, не проникнутые противоположным духом, не воспитанные на опыте, на долгом—непосредственном и историческом—опыте, прошлой буржуазной эпохи, когда нововведения и изобретения применялись главным образом не для облегчения труда, а для его отягчения, не для увеличения потребления трудящихся масс, а для увеличения прибыли предпринимателей.

Весьма уместно повторить здесь те ужасающие факты, которые приведены в пятой части тринадцатой главы первого тома „Капитала“ Маркса. В самом начале *буржуазного* строительства, в XVII столетия по всей Европе прокатились восстания рабочих против машин, которые, при другом строе должны были бы приветствоваться ими как избавительницы. Итальянец Ланчелоти писал в сочинении, появившемся в Венеции в 1636 г.: „Антон Мюллер из Данцига видел лет 50 тому назад в Данциге весьма искусно сделанную машину, изготовлявшую сразу от 4 до 6 кусков ткани; но так как городской совет опасался, что это изобретение может сделать нищими целые массы рабочих, то он изобретение скрыл, а изобретателя велел тайком удавить или отравить“. „В Лейдене, писал Боксгорн в 1663 г., некоторые люди лет двадцать тому назад изобрели такой ткацкий станок, на котором один рабочий с большой легкостью мог изготовить ткани больше, чем на других станках несколько рабочих в такое же время. По этой причине начались беспорядки и жалобы ткачей, пока, наконец, власти не запретили употреблять эту машину“. Та же машина была запрещена в Кельне в 1676 г., а применение ее в то же время в Англии вызвало рабочие беспорядки. Императорским эдиктом от 19 февраля 1685 г. было воспрещено ее употребление во всей Германии. В Гамбурге она была, по приказанию городских властей, публично сожжена. Карл VI подтвердил 9 февраля 1719 г. эдикт 1685 г. Когда Эверет в 1758 г. построил первую водяную машину для стрижки шерсти, то она была сожжена сотней тысяч лишенных работы людей. В начале XIX века происходило в английских мануфактурных

округах массовое уничтожение машин рабочими. Такие факты повторялись и во второй половине XIX столетия *).

Таким образом, факт принадлежности средств производства капиталистам и лишение этих средств производства рабочих, иными словами форма общественного употребления машин приводила к тому, что улучшение положения рабочих не могло быть достигнуто путем новой победы над природой, что, наоборот, такие победы над природой влекли за собою выбрасывание сотен тысяч людей на мостовую, на голодную смерть и что поэтому рабочие фактически, а власти юридически препятствовали увеличению производительности труда.

И даже в эпоху полного расцвета буржуазного строя капиталисты не могли руководствоваться при введении на фабриках и заводах новых усовершенствованных машин тем соображением, что эти машины стоят меньшего количества труда, чем то, которое они замещают. Это поведение капиталистов прекрасно вскрыто Марксом в его „Капитале“. Вот что говорит Маркс по этому вопросу: „Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то ее употребление допустимо всякий раз, как изготовление ее стоит меньшего количества труда, чем то, которое она замещает. Но для капитала эти пределы употребления машин уже. Так как капитал оплачивает не применяемый труд, а только ценность применяемой рабочей силы, то для него допустимость употребления машин ограничивается разницей между ценностью машины и ценностью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимую и добавочную работу в разных странах, а равно в той же стране в разные периоды или в тот же период в различных отраслях деятельности различно; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже ценности его рабочей силы, то подымается выше ее, разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может сильно меняться, хотя бы разница между необходимым для производства машины количеством труда и общим количеством труда, ею замещаемого, оставалась тою же. (Поэтому, добавляет здесь Маркс в примечании, машины в коммунистическом обществе имели бы совершенно иную область применения, чем в буржуазном обществе). Но только первая разница определяет для самого капиталиста издержки производства товара и в силу принудительного закона конкуренции оказывает влияние на его поведе-

*) См. Karl Marx, Das Kapital, Volksausgabe, 1914 г. т. 1 стр. 372 и сл.

ние. Поэтому в настоящее время изобретаются машины в Англии, которые применяются только в Америке подобно тому, как в XVI и XVII веках изобретались машины в Германии, которые употреблялись только в Голландии, или подобно тому, как некоторые французские изобретения XVIII века эксплуатировались только в Англии. Сама машина в более развитых странах своим применением в одних отраслях деятельности порождает такой излишек рабочих в других отраслях, что падение заработной платы ниже ценности рабочей силы препятствует в последних применению машин и делает такое применение машин, с точки зрения капитала, прибыль которого получается от уменьшения не применяемого, а оплачиваемого труда, излишним, а часто и невозможным *).

„Янки, говорит далее Маркс, изобрели машину, разбивающую камень. Англичане ее не употребляют, так как „бедняк“, выполняющий эту работу, получает оплату такой незначительной части своего труда, что применение машины удорожило бы производство для капиталиста. В Англии при таскании например, барок по каналам все еще употребляются вместо лошадей женщины, так как труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собою математически данную величину, а труд, который необходимо затратить на содержание женщин излишнего рабочего населения, ниже всякой величины“ **).

И то, что у Маркса здесь говорится о машинах, должно быть распространено на всякого рода улучшение производства, выражается ли оно в большем удобстве, безопасности и привлекательности труда, в скорейшей и лучшей обработке материала и т. д. Во всех случаях улучшения вводятся в капиталистическом строе не тогда, когда они на самом деле увеличивают производительность труда, а лишь тогда, когда эта увеличенная производительность труда дает капиталисту большую прибыль. Необходимо везде, по словам К. Маркса, отличать большую производительность, вытекающую из развития общественного процесса производства, от большей производительности, вытекающей из капиталистического использования этого процесса производства ***).

*) См. там же, стр. 337.

***) См. там же, стр. 338.

***) См. там же, стр. 366. Карл Каутский в своей работе: „Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft“ 1910г. (стр. 211) также заявляет: „Технические усовершенствования вводятся в настоящее время капиталистом не там, где они сберегают труд—капиталист сам не работает и рабочее время им эксплуатируемых для него безразлично—а только там, где они дают прибыль“.

0952-1
ПОДАРИТЕЛИ

2

Фабричная система, система усовершенствований должна бы облегчить труд рабочих, дать возможность содержать их в лучших условиях, принять меры к достижению возможно больших удобств, безопасности и привлекательности труда, но находясь в руках капиталистов, машины приводят к результатам, прямо противоположным. Возможность быть экономней в затрате общественных средств, говорит Маркс, возможность, в фабричной системе впервые развивающаяся с оранжерейной скоростью, в руках капитала сейчас же превращается в систематическое воровство пространства, воздуха, света и мер личной охраны рабочего от опасных для жизни и здоровья условий производственного процесса *).

Мы видим, таким образом, что управление производством при капиталистическом строе должно ставить себе и в действительности ставит себе задачи, совершенно отличные от управления производством при ином строе; заинтересованном не в извлечении наибольшей прибыли, а в действительном улучшении условий труда и развитии его производительности. В первом строе все помыслы направлены на то, как бы оплатить возможно меньшую долю труда, чтобы таким путем увеличить прибыль. Во втором строе—как бы создать более легкие, более здоровые, более приятные условия труда, как бы при той же затрате труда получить лучшие продукты или большее их количество.

Поэтому для всех должно быть ясно—и на этом выводе придется еще остановиться подробнее—что опыт, приобретенный в управлении производством при капиталистическом строе, не только не может помочь при организации производства социалистического, но, наоборот, может только повредить этой организации социалистического производства.

Машинное производство и связанные с ним усовершенствования сами по себе, разумеется, не могут повлечь за собою никаких бедствий для общества вообще и для составляющих его рабочих в частности. Усовершенствования, введенные в какой бы то ни было отдельной отрасли, удешевляют (требуя меньшего количества труда) продукты, в этой отрасли производимые, и увеличивают их количество, совершенно не затрагивая сейчас же количества продуктов, производимых в других отраслях. Поэтому после введения всякого такого усовершенствования количество жизненных благ, находящихся в распоряжении всего общества отнюдь не уменьшается, а почти всегда

*) См. там же, ст. 370.

увеличивается. И, следовательно, если эти усовершенствования освобождают известное количество людей от необходимости работать вообще, или в данной области, или прежнее количество времени, — то это обстоятельство не должно отразиться на жизненном положении этих рабочих. В распоряжении общества, состоящего из рабочих и не гонящегося поэтому за прибылью, остается не меньшее количество жизненных благ, подлежащих распределению между членами общества. Следовательно, режим, насаждающий социализм, должен организовать управление и заведывание производством и распределением именно таким образом, чтобы всякое улучшение и усовершенствование шло на пользу равномерно всем трудящимся, всем членам трудового коллектива.

Может ли этот режим пользоваться для выполнения своих задач опытом организаций прежнего, буржуазного, капиталистического строя, опытом того строя, который достигал совершенно противоположных результатов, так как он ставил себе совершенно противоположные задачи.

Машинное производство само по себе, говоря словами К. Маркса, сокращает рабочее время, а применяемое капиталистически — удлиняет его; само по себе оно облегчает труд, капиталистически применяемое — оно повышает его напряженность; само по себе — оно представляется победой над силами природы, капиталистически применяемое — оно порабощает человека силам природы; само по себе оно умножает богатство производителя, капиталистически применяемое — оно его пауперизирует, превращает в нищего и т. д. *).

Если, следовательно, серьезно пожелать организовать производство и распределение на социалистических началах, то необходимо освободить эту организацию от всяких навыков, приемов и ухваток капиталистической организации, необходимо немедленно отбросить, как заражающую гниль, всю капиталистическую организацию, отказаться от ее опыта, опыта, пагубного для рабочего режима.

Подобно тому, как взявший в свои руки политическую власть пролетариат не может использовать старую *государственную* машину, всю построенную так, чтобы господствовать над людьми, а вынужден сломать ее и отказаться от прежнего опыта буржуазно-государственного строительства, — точно так же, взявши экономическую власть, пролетариат во что бы то ни стало и немедленно должен разбить старую *хозяйственную* машину, отказаться от опыта буржуазного-хозяй-

*) См. там же, стр. 385.

ственного строительства. И подобно тому, как участвуя в государственной власти буржуазного строя пролетариат не только не приобретает полезного опыта для организации *своей* власти, а наоборот, развращается политически, точно так же, участвуя в хозяйственной власти буржуазного строя, работая вместе с капиталистами в организации производства на неотмененной капиталистической основе, пролетариат не только не приобретает полезного *для него* хозяйственного опыта, а наоборот, развращается экономически, проникается навыками и взглядами чуждого ему и враждебного строя, приучается к приемам, которые очень прибыльны были для буржуазии, но являются пагубными для трудового коллектива, не добывающегося прибыли, а стремящегося создать действительно лучшие условия труда, действительную возможность наилучшего, наименее обременительного и наиболее полного и всестороннего удовлетворения всех материальных и духовных потребностей членов трудового общества, именуемого человечеством.

И поэтому каждая лишняя минута сохранения прежней организации производства, буржуазной организации производства является для получившего власть пролетариата, для пролетариата, свергнувшего власть своих вековых угнетателей, не скажу преступлением, а — с точки зрения пролетарской чем-то гораздо худшим — крайне нецелесообразной мерой.

Пролетариат, получивший в свои руки власть, должен немедленно устранить от дела *организации* производства и распределения прежних своих властителей — представителей класса капиталистов, которые, если останутся руководителями производства, неизбежно будут его направлять по прежнему руслу, когда увеличение „народного“ богатства означало в действительности обнищание подлинного народа, трудовых народных масс. Он должен немедленно установить *рабочий контроль* над производством и распределением, контроль, не допускающий прежних приемов капиталистической эксплуатации, направленной исключительно к обездолению трудовых масс.

Он не должен смущаться тем обстоятельством, что такое устранение прежних руководителей вызовет расстройство, разруху. Всякое дальнейшее оставление руководства прежним владыкам, представителям класса капиталистов вызвало бы еще большее расстройство. Поэтому недомыслием в лучшем случае и самым отвратительным обманом трудовых масс в худшем случае являются такого рода фразы, которые содержатся, например, в программе баварского народного, «социалистического» правительства, опубликованной им в ноябре 1918 г., после захвата власти трудящимися массами: «Мы говорим с полной

откровенностью, что нам кажется невозможным в такое время, когда производительные силы страны почти истощены, немедленно перевести промышленность в общественное пользование. Нельзя социализировать, когда нет почти ничего, что можно было бы социализировать».

Нельзя немедленно перевести промышленность в общественное пользование! Но интересно знать, когда же можно будет перевести ее в общественное пользование. Когда производительные силы страны не почти, а окончательно будут истощены? А, ведь, таков неизбежный результат, если эти производительные силы будут оставлены в руках класса капиталистов. Нельзя же думать, что „социалисты“ из баварского народного правительства считают, что капиталисты в состоянии поднять на должную высоту истощенные производительные силы страны. Ведь, если бы они, эти «социалисты» держались такого мнения, они должны были бы подать в отставку, сложить свои полномочия и призвать к власти представителей капиталистов, создать исключительно буржуазное правительство, которое управляло бы делами капиталистов, подымающих истощенные производительные силы страны на должную высоту.

Не должен удерживать захвативший власть пролетариат от немедленного устранения прежних распорядителей хозяйственной жизни и другой великий обман, содержащийся в той же программе баварского народного правительства: «Нам кажется невозможным на одной из национальных территорий мирового хозяйства провести социалистическую организацию». Когда буржуазия проделывала свои революции, проводила буржуазную организацию, освобождалась от оков феодализма, она, напр., во Франции, не смущалась тем, что это проделывается только в одной стране. Она начинала у себя, но старалась свой дух распространить повсюду. Авторы баварской программы обладают к тому же весьма короткой памятью. Они забывают, что многие марксисты, в том числе и находящиеся в настоящее время в составе другого „народного“ правительства К. Каутский, преспокойно допускали водворение социализма в одной из стран, обсуждали возникающие в связи с таким положением проблемы, в частности, весьма сложную, по мнению Каутского, проблему экономических сношений такого социалистического оазиса с окружающими его буржуазными пустынями, капиталистическими государствами.

Правда, такой оазис для своего прочного укрепления, несомненно нуждался бы в том, чтобы и окружающая его пустыня зацвела в скорости социалистическим цветом. И безусловно правы народы Индии, которые в своем приветствии русской октябрьской, пролетарской, соци-

алистической революции заявили: „В грязном соседстве нельзя держать свой дом в чистоте“. Но эти народы Индии не делают отсюда баварского вывода. Они не советуют русским социалистам оставить и свой дом в грязи по причине грязного соседства. Они советуют, поддерживая свой дом в чистоте, заняться очисткой и соседних домов. Вот совет, которому можно и должно последовать, совет не баварский, а восточный. И как тут не воскликнуть: *ex oriente lux*—свет с востока.

Другой восток—Россия дала не только совет, но и пример! Пример приступа к организации социалистического строя на одной из национальных территорий мирового хозяйства, несмотря на бешенные и ожесточенные военные нападения, которыми ответили со всех сторон другие империалистическо-буржуазные территории мирового хозяйства. И ее пример послужит стимулом для других „национальных территорий“, из которых весьма многие уже на пути к такой же самостоятельной организации у себя социалистического производства.

Если мы от производства перейдем к распределению, то точно также необходимо спросить: может ли пролетариат, получивши в свои руки власть, хоть на одну минуту оставить прежний способ распределения, прежнюю организацию распределения или даже отправиться на выучку к этой организации, сотрудничать в ней вместе с прежними заправилами, поучаясь у них уму разуму, приобретая здесь потребный ему опыт,—если в руках класса капиталистов распределение приготавливаемых продуктов, в частности продуктов питания, приводило к чудовищным результатам, к таким результатам, которые оказывались пагубными для трудящихся масс? Ведь, в капиталистическом строе получалось так, что, чем большее количество продуктов питания изготовлялось в стране, тем меньшее количество населения могло эти продукты питания получить. Эмиграция из аграрных стран увеличивалась, количество населения, которое не в состоянии было пропитаться дома увеличивалось наряду с увеличением вывоза этих продуктов питания за границу. За границу вывозились во все большем и большем количестве и излишние люди, которые не могли прокормиться в своей стране, и излишние продукты питания, которые, как видно, не могли найти потребителей у себя дома.

Во всех аграрных странах, во всех странах с сильно развитым или преобладающим сельским хозяйством повторялась в общих чертах та картина, самым рельефным изображением которой является Ирландия.

В Ирландии, напр., насчитывалось жителей:

в 1801 г.	5395,000	в 1901 г.	4459000
„ 1841 „	8197,000	„ 1908 „	4363000

Население ее в наши дни меньше, чем в начале прошлого столетия. С 1841 г., когда оно достигло высшей точки, оно уменьшилось почти на половину. И тем не менее Ирландия все еще „перенаселена“, в ней все еще имеется излишнее население, которое не в состоянии прокормиться у себя дома, ее молодые люди все еще вынуждены выезжать массами „за границу“ и наряду с ними в Англию экспортируются из Ирландии продукты питания—масло и убойный скот,¹

В Ирландии насчитывалось:

	в 1871 г.	в 1901 г.	в 1908 г.	Увеличение + или уменьшение (-) с 1871 по 1908 г.
Людей	5412,000	4459,000	4363,000	— 1049,000
Крупного рогат. скота.	4157,000	4672,000	4792,000	+ 640,000

Приведя эти данные, Карл Каутский (в своей работе „Размножение и развитие в природе и в обществе“) добавляет: „Если в Англии во время Томаса Мора, по его же выражению, людей пожирала овца, то в современной Ирландии мирные (домашние) быки и коровы превращаются в диких человекоядных зверей! Вот еще одно из чудес капиталистического способа производства“*).

И если система распределения в капиталистическом строе приводила к таким результатам, если каждая лишняя корова пожирала или выгоняла в другую страну двух живых людей, то, ведь, организаторы этой системы распределения могли обладать только таким людоедским опытом, а не тем опытом, который нужен и необходим трудовым массам, стремящимся к тому, чтобы появление всякого нового жизненного блага увеличивало общественный фонд средств, подлежащих распределению между членами общества в целях более полного удовлетворения их потребностей. Поэтому участие трудовых масс в прежней организации системы распределения для них вредно и пагубно.

¹) См. Karl Kautsky, Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft, изд. 1910 г. страница 7.

Участвуя в этой организации, работая в ней наряду с прежними руководителями и в особенности под их указку, представители трудовых масс приобрели бы те скверные навыки, усвоили бы те отвратительные приемы, в которых так наловчились их угнетатели. Опыта, полезного социалистического опыта они бы здесь приобрести не могли. И всякая лишняя минута сохранения прежней организации в этой области аннулировала бы, уничтожала бы, приводила бы к нулю соответствующую часть положительной работы трудовых масс. Но результаты могли бы получиться и еще худшие: положительная работа трудовых масс могла бы в этом случае быть направлена по неправильному, по ложному и губельному, по старому руслу, превратиться из положительной работы в работу, исключительно отрицательную, никому пользы не приносящую.

И в этой области, следовательно, пролетариат, захвативши или получивши власть, должен немедленно или возможно скорее устранить прежних руководителей, не считаться с их губельными для рабочего люда „правами“. Пролетариат не должен ограничиться участием в их работе, пока не получит надлежащего опыта, ибо этого надлежащего опыта он при совместной работе с ними получить не может. Здесь отрицательная и положительная величина, огонь и вода, соединившись вместе дадут в лучшем случае нуль, в худшем—огромную отрицательную величину.

Может ли пролетариат, получив власть, оставить старые буржуазные законы, которые регулировали социальные отношения, отношения людей на почве производства и распределения? Может ли он оставить в силе все эти кодексы и уложения, когда даже образцовый кодекс-французский, с которого в значительной степени списаны кодексы Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Польши, Португалии, Румынии и от которого мало чем отличаются кодексы 20-го века—Германии и Швейцарии,—когда этот образцовый гражданский кодекс характеризуется даже многими буржуазными юристами, как антидемократический, антирабочий, исключительно капиталистический. При восхвалении французского кодекса во время празднования столетия со дня его издания в 1904 г. нашлись и невесторженные голоса. Так например, дижонский профессор Альберт Тиссье заявил тогда: „В течение долгого времени гражданский кодекс считался, по общему мнению историков и юристов, демократическим законодательством. Легенда эта понемногу разрушена и от нее почти ничего не осталось... Он не проникнут демократическим духом... Он не был издан с демократической целью... Он не может считаться демократическим законода-

тельством. Такую славу он неправильно приобрел, узурпировал в эпоху, когда, в экцессе восхищения и энтузиазма, готовы были признать за ним все достоинства. Его необходимо было лишить этой славы. В настоящее время можно даже изумляться тому, что эта слава ему так долго приписывалась“ *).

Бельгийский сенатор, Эдмон Пикар несколько раньше назвал французский гражданский кодекс „кодексом буржуазного и капиталистического индивидуализма“, „буржуазной эпопеей частного права“, „кодексом капитала, а не труда, организацией капиталистического имущества и социального, материального и морального преобладания, предоставленного богачу **).

А другой французский профессор, уже цитированный мною Леон Дюги сравнительно недавно заявил: „Можно было бы не без основания сказать, что кодекс Наполеона был кодексом собственности и что его следует заменить кодексом труда“ ***).

И, ведь мало того, что кодексы буржуазных законов не были и не могли быть кодексами труда. В огромных соединениях трудящихся на фабриках, заводах и мастерских—езде царило единовластие, самодержавие капиталиста или организации капиталистов. Может ли поэтому пролетариат, получивши власть, оставить в силе то правовое или, вернее, то совершенно бесправное положение, которое занимали на фабриках, в заводах и мастерских рабочие. Может ли он сохранить тот каторжный, господствовавший на фабриках „правовой“ порядок, о котором К. Маркс отзывался следующими словами: „Фабричный кодекс, в котором капитал самовластно, путем частных постановлений формулирует свое самодержавие по отношению к рабочим без столь любезного буржуазии разделения властей и без еще более ей любезной представительной системы,—этот фабричный кодекс есть только капиталистическая карриатура общественного регулирования процесса труда, которое становится необходимым при широко развитом сотрудничестве и сообща применяемых средствах труда, а именно машинах. Кнут погонщика рабов заменяется штрафной книгой надсмотрщика. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, а законодательное остроумие фабричных Ликургов делает для них нарушение их законов нередко еще более прибыльным, чем их исполнение“ ****).

*) Le Code civil, Livre du centenaire; 1904 г., т. I, стр. 73—74.

**) Edmond Picard, L'évolution historique du droit civil français, 1898 г., стр. 68 и 92.

***) Léon Duguit, в прив. соч., стр. 31—32.

****) Karl Marx, Das Kapital, лит. изд. стр. 368.

Как может пролетариат, получив власть, оставить нетронутым тот фабричный режим, который почти не изменился со времени, когда Фридрих Энгельс писал о нем следующие, метко рисующие его слова: «Рабство, которым буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступает наружу явственнее, чем в фабричной системе. Здесь всякая свобода прекращается юридически и фактически. Рабочий обязан быть на фабрике утром в половине шестого; если он опоздает на минуту, другую, его оштрафуют; если он опоздает на десять минут, его совсем не впускают до завтрака и он теряет четверть дневного заработка. Он вынужден есть, пить и спать по команде... Деспотический колокол (в других местах—свисток) зовет его из постели, зовет его от завтрака и обеденного стола. А что происходит на самой фабрике? Здесь фабрикант-самодержавный законодатель. Он издает фабричные правила, какие ему заблагорассудится; он изменяет и исправляет свой кодекс как ему на ум взбредет; и хотя бы он включил сюда самые нелепые вещи, судьи говорят рабочему: так как вы добровольно пошли на условия такого контракта, то вы обязаны исполнить его“ *).

Как может пролетариат, получив власть, хотя бы на минуту сохранить тот буржуазный фабричный режим, относительно которого Маркс недаром воскликнул: «Разве неправ Фурье, назвавший фабрики смягченной каторгой» **).

IV.

Как может пролетариат—если мы обратимся к другой области—оставить прежний строй земледелия, прежний характер сельского хозяйства, прежние правовые отношения связанные с землей, когда и в земледелии все это было приноровлено к буржуазному строю. Ведь, в буржуазном строе не только в области промышленности господствовало производство исключительно для барыша, не считавшееся с тем,

*) F. Engels, Die Lage der arbeitenden Klassen in England, Штутгартское изд., стран 180 сл.

**) Правда некоторые марксисты, как, например, цитированный мною Карл Реннер, склонны считать, что фабричный режим сильно изменился, что прежней фабрики уже не существует. Нормальная фабрика наших дней, говорит К. Реннер, не «смягченная каторга», (К. Реннер, в прив. соч. стр. 48). Но это кажущееся смягчение на самом деле является отягчением условий труда. И у Карла Каутского его тезка Реннер мог бы прочесть: „Там, где капитал обладает достаточным экономическим перевесом для обеспечения своей эксплуатации, он отказывается от поддержки ее техническим перевесом своих военных средств. Поэтому наивным умам увеличение экономического перевеса капитала рисуется как смягчение классовых противоречий и как начало мирного изживания капитализма. В действительности же он нигде не сильнее, чем там, где он не считает необходимой апелляции к грубому насилию вооруженной силы», Kautsky, Vermehrung und Entwicklung, стр. 185). К числу таких «наивных умов» приходится отнести, увы, совсем не наивного Реннера.

вредны или полезны изготовляемые продукты. Ведь, земледельцы (или вернее землевладельцы) вели себя в этом отношении точь в точь, как промышленники. Разницы здесь не было никакой. И совершенно прав А. Бебель, который в своей книге „Женщина и социализм“ говорит по этому поводу следующее: „Как хозяйничает земледелец,—это в эпоху частной собственности его личное дело. Он изготовляет то, что ему представляется наиболее прибыльным, не считаясь с потребностями или интересами общества... Ведь, промышленник тоже так поступает. Он фабрикует скабрзные картины, безнравственные книги и устраивает фабрики для фальсификации продуктов питания. Эти и многие другие отрасли деятельности вредны для общества, подрывают нравственность и увеличивают развращенность. Но они приносят денежную прибыль, и притом большую, нежели нравственные картины, научные книги или продажа нефальсифицированных продуктов. Корыстолюбивому промышленнику приходится только заботиться о том, чтобы его не открыло око полиции, и в этом случае он может вести свой позорный промысел в полной уверенности, что из-за тех денег, которые он при этом зарабатывает, общество будет питать к нему зависть и относиться с большим почтением“ *).

Как может пролетариат, получив власть, и стремясь ее использовать для насаждения социализма, для установления коллективистского строя, для обобществления производства, для наиболее разумного и рационального применения на благо всех трудящихся покоренных сил природы,—как может он оставить прежний порядок в земледелии, где частная собственность и наемный труд (в особенности фабричный) являлись еще большими путами, еще большей помехой для развития производительных сил, чем в промышленности. Ибо если капиталистический, буржуазный строй имел своим последствием в промышленности отсталость *действительного* развития производительных сил по сравнению с *возможным* их развитием, то в области земледелия эта отсталость, в буржуазном строе, принимала размеры, еще более устрашающие.

В области промышленности, как мы указывали уже раньше, технические усовершенствования и улучшения не вводятся, если есть возможность нажать на живую рабочую силу, воспользоваться затруднительным положением рабочего люда, привлечь к работе дешевый женский и детский труд или, в особенности, под видом самостоятельной домашней работы, заставить работать человеческий вьючный

*) См. А. Бебель, *die Frau und der Socialismus*, изд. 1918 г., стр. 366—367.

скот дни и ночи без всякого ограничения рабочего времени. Благодаря таким возможностям (неразрывно связанным с частной собственностью и системой наемного труда) введение технических усовершенствований, в буржуазном строе, весьма задерживается. И это обстоятельство, по словам К. Каутского, „является одной из причин, вследствие которых при капиталистическом способе производства действительная производительность всей суммы общественного труда всегда отстает и должна отставать от технически возможной его производительности“ *).

Но это отставание действительной производительности труда от возможной его производительности в области земледелия усугубляется еще тем, что здесь труд в гораздо меньшей степени является общественным, чем в других отраслях человеческой деятельности. Отсталость сельского хозяйства особенно поддерживается обилием мелких хозяйств, в которых немисливо даже никакое разделение труда, никакое улучшение.

Приведем в этом отношении блестящую характеристику мелкого сельского хозяйства, даваемую К. Каутским в его работе „Размножение и развитие в природе и в обществе“:

„С самого начала исключается возможность того, чтобы мелкое крестьянское хозяйство могло использовать все средства современной науки и техники....

„Даже самое примитивное, самое простое разделение труда невозможно в хозяйстве, где работают только двое: мужчина и женщина. Исключена возможность такого разделения труда и для скота, если в доме имеется не более одной головы крупного рогатого скота“.

„Вводить машины—для этого в большинстве случаев не имеется денег. Мало того, крестьянин останавливается на маленьком размере своего хозяйства не потому, что он считает этот размер наиболее рациональным для ведения хозяйства, а вследствие своей бедности. Если ему удастся прикупить деньжонок, то он первым делом стремится прикупить землицы. Первой его заботой является *расширение* производства, а не его *улучшение* на участке данной величины. Он, ведь, знает, что на основе карликового хозяйства невозможно рациональное ведение дела. Большая часть машин, лучшие машины в рамках мелкого хозяйства неприменимы. Едва ли найдется хотя бы одна машина, которая в

*) См. К. Kautsky, Vermehrung und Entwicklung, стр. 211.

этих рамках могла бы быть использована целиком и развить всю свою работу.“

„Крестьянское мелкое хозяйство оказывается поэтому сильнейшим тормозом всякого технического прогресса в области земледелия. Чем дальше сохраняется эта форма хозяйства и чем быстрее совершается в обществе прогресс техники и науки, тем все больше должна увеличиваться разница между *возможными и действительными* размерами производительности труда в области земледелия“ *).

Такие же соображения о мелком крестьянском хозяйстве, об его чрезвычайной отсталости мы можем прочесть и в книге Бебеля „Женщина и социализм“: „Мелкий хозяйчик весьма часто вынужден не производить необходимых улучшений почвы; если его скот дает ему мало удобрения—а это нередко имеет место—урожайность земли понижается, так как купить удобрения он совсем не может. Весьма часто также у него не имеется средств для того, чтобы раздобыть себе лучшие, плодороднейшие семена, выгодное использование машин для него закрыто; плодосменная система, соответствующая химическому составу его почвы, часто для него невыполнима. Не может он также использовать те выгоды от более усовершенствованного применения домашних животных, какие даются наукой и опытом. Этому препятствует отсутствие надлежащего корма, отсутствие подходящих помещений для скота, отсутствие других подходящих приспособлений **).

Как же может пролетариат, желающий и не могущий не желать вводить социалистический строй, т.е. строй обобществления обработки, обобществления производства и в области земледелия,—как может он сохранить частную собственность на землю, являющуюся наибольшей помехой для рационального приложения обобществленного труда в сельском хозяйстве, как может он сохранить систему мелкокрестьянского хозяйства, хозяйства отсталого из отсталых, хозяйства, представляющего собою бесплоднейшее расточение огромных трудовых сил для получения ничтожнейших результатов?

Правда, в области сельского хозяйства на первых порах социалистической власти предстоят огромнейшие трудности, и в этом отношении вполне правильно замечает уже цитированный К. Реннер, что социалистическая задача—организовать сельско-хозяйственное про-

*) См. там же, стр. 209—210.

**) А. Bebel в прив. соч., стр. 358.

изводство—является таким делом, при осуществлении которого „каждый шаг по пути открывает новые пути“ *).

В этой области, следовательно, в области земледелия победоносному пролетариату, в особенности в аграрных странах приходится быть чрезвычайно осторожным. Здесь ему приходится, в частности, считаться с навыками и привычками больших, но распыленных масс, не объединенных процессом обобществленного, общего, совокупного труда. Здесь ему, в особенности на первых порах, в период борьбы с побеждаемым прежним строем приходится считаться с необходимостью не раздражать, не отталкивать от себя эти массы мерами хотя и разумными, хотя и весьма полезными, но еще чуждыми всему духу и укладу жизни крестьянских масс, мерами, польза которых еще не ясна этим массам. Помимо таких политических соображений к осторожности в этой области побуждают и другие обстоятельства. В виду отсутствия или, по меньшей мере, слабого развития в этой области, в области, земледелия обобществленных форм трудового процесса, обобществленных форм производства, быстрая и при том принудительная перемена всего сельского хозяйства могла бы повлечь за собою почти полное прекращение производства, иными словами, обречь на голоданье новый режим.

Интересно привести соображения по этому поводу К. Каутского, хотя не во всем можно с ним в этом отношении согласиться.

Указав на то, что капитализм неудержимо приводит не только к относительному, но и к абсолютному обнищанию почвы, и нередко также и самого населения, К. Каутский продолжает:

„Все эти колоссальные препятствия, которые капитализм ставит на пути развития сельского хозяйства, устраняются с уничтожением капитализма, с уничтожением как частной собственности на землю и наемного труда, так и колониальной, империалистской политикой завоеваний и гнета. Вместе с тем возникает возможность уничтожить уже в настоящее время столь большую и все более и более растущую противоположность между возможными и действительными производительными силами сельского хозяйства; возникает возможность развить в последнем все те огромные производительные силы, которые уже даются современным состоянием теоретического познания природы и практической техники и которые в еще больших размерах будут

*) К. Веннер, в прив. соч., стр. 25.

даваться ко времени завоевания политической власти пролетариатом (Каутский писал эти слова в 1911 г.), ибо наука и техника не стоят на одном месте.

„Но уничтожение капитализма пролетариатом дает, таким образом, не только *возможность* развить производительные силы сельского хозяйства до самых высоких пределов с той скоростью, с какую позволяют этого достигнуть производительные силы промышленности, которая, ведь, должна доставить сельскому хозяйству средства для его поднятия на большую высоту; это уничтожение капитализма влечёт за собою также и *необходимость* возможно более быстрого ускорения этого поднятия сельского хозяйства на должную высоту, так как победоносный пролетариат должен всеми мерами стараться увеличить сумму питания и досуга, достижимую для населения.

„Но прежде, чем разобрать все это подробнее, необходимо устранить возможное недоразумение. Мы указали на то, что режим победоносного пролетариата приведет к уничтожению частной собственности на землю. Это следует понимать только в том смысле, что мы должны ожидать, что такое уничтожение частной собственности, в конце концов, наступит с ходом развития, которое начнется вместе с победой пролетариата. Мы этим отнюдь не хотим сказать, что мы требуем, чтобы пролетариат, как только он достигнет власти, использовал ее немедленно для экспроприации крестьян или—еще больше для конфискации их земли.

„Об этом в среде социалдемократии никто не помышляет. Тем не менее одно это обстоятельство само по себе еще не служило бы гарантией, что такого рода экспроприация не будет иметь места. Мы, ведь, можем говорить только за себя, но не знаем, кто из нас доживет до победы пролетариата, при каких условиях эта победа наступит, какие воззрения будут руководить победителями. Однако, существует еще фактор иной, чем воля и пожелания ныне живущих социалдемократов, фактор, служащий гораздо лучшей гарантией тому, что до экспроприации крестьянства дело не дойдет, и этим фактором является тот простой факт, что такая экспроприация не только не отвечает интересам пролетариата, но скорее им противоречит.

„Победоносный пролетариат имеет все основания заботиться о том, чтобы производство средств питания продолжалось беспрепятственно. Экспроприация крестьян привела бы всю эту

отрасль производства в состояние самой неистовой разрухи и грозила бы новому режиму форменным голодом. Крестьяне могут поэтому оставаться спокойными. Экономическая невозможность обойтись без них, предотвратить всякую экспроприацию, совершенно не говоря уже о том, что самое простое правило благоразумия настойчиво повелевает не создавать себе без необходимости врага в столь крупном слое населения.....

„Но победоносный пролетариат будет, кроме того, обладать средствами к тому, будет заинтересован в том, чтобы поддержать крестьянина в деле технического усовершенствования его хозяйства, сделать для него доступным удобрение, рабочий скот, улучшенные орудия и таким образом увеличить массу производимых им продуктов.

„Если мы ожидаем, что все это не приведет к новому укреплению мелкокрестьянского способа производства, то это вытекает из того нашего взгляда, согласно которому даже наибольшее раскрепощение и наибольшая поддержка не в состоянии сделать доступной для мелкого крестьянского хозяйства всю современную технику в полном объеме, и что поэтому мелкие крестьяне рано или поздно, как только укрепится социалистический способ производства, сами *добровольно* оставят свою форму хозяйства, которая станет оковами для их дальнейшего социального под'ема. Социалистическое общество будет иметь все основания помочь им в деле перехода к более высокой форме хозяйства, так как оно, ведь, нуждается и посему сильнейшим образом заинтересовано в увеличении массы своих продуктов питания и сырых материалов“ *).

Я позволил себе привести такую длинную выписку из работы К. Каутского, написанной им в 1910 г., потому что здесь мы имеем не только программу действий победившего пролетариата в области сельского хозяйства, но и ряд других весьма ценных заявлений автора, которого долгое время все называли „папой марксизма“.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Каутский здесь стоит на точке зрения диктатуры пролетариата. «Завоевание политической власти пролетариатом» он себе представляет не в форме всеобщего избирательного права, мирного использования этого всеобщего избирательного права, а в форме боевой диктатуры одного класса,

*) См. К. Kautsky, Vermehrung und Entwicklung, стр. 224—227.

рассчитанной на более или менее долгий период ожесточеннейшей борьбы с побеждаемыми классами, в прежнем строе господствовавшими. Если бы он рисовал себе дело иначе, если бы он считал, что пролетариат может завоевать власть в парламентарной форме, путем приобретения большинства в „общенародном“ представительном учреждении, он не говорил бы о том, что „простейшее правило благоразумия настойчиво повелевает не создавать себе врага в столь крупном слое населения“. Если бы пролетариат мог осуществлять свою власть в виде парламентского, в виде общепредставительного большинства, то он, находясь в таком положении, разумеется, мог бы совершенно не считаться с недовольством меньшинства. Создавать себе врага в столь крупном слое населения опасно и неблагоприятно со стороны пролетариата, разумеется, только в случае не прекратившейся борьбы, не оконченной войны с прежними владыками жизни, которые в последних, судорожных схватках стремятся опрокинуть поднявшийся на ноги, ставший у власти класс пролетариата. В этом и только в этом случае опасны для пролетариата враждебные к нему отношения со стороны крупных слоев населения, которые в силу своей враждебности к нему могут переметнуться на сторону непобежденных окончательно его врагов, поддержать их, усилить, дать им возможность хотя бы на время снова одолеть поднявшиеся к власти трудовые массы. Только в период такой обостреннейшей классовой борьбы, осуществляемой в форме диктатуры пролетариата, простейшее правило благоразумия может настойчиво повелевать пролетариату „не создавать себе врага в столь крупном слое населения“, врага, который может соединить свои силы с силами других врагов пролетариате.

Далее, весьма достойно внимания, что Каутский совершенно не считает экспроприацию и конфискацию всей крестьянской земли мерой, которая сама по себе являлась бы вредной и опасной для крестьянства. Наоборот, он считает совершенно невозможным окончательное укрепление мелкого сельского хозяйства. Он считает безусловно полезным переход или перевод мелкого крестьянского отсталого хозяйства в крупное хозяйство, с применением в последнем социализированного, обобщественного труда, при каких условиях только и возможны надлежащее использование всех данных науки и техники, поднятие сельского хозяйства на возможно, большую высоту, увеличение производительности также и в этой области до максимальных размеров. Он считается только с современными взглядами, с современной психикой этого распыленного, не обобщественного в про-

цессе труда, а посему весьма часто противообщественного крестьянства. Если бы не было этих препятствий или если бы, при наличности известных условий, можно было бы рискнуть не считаться с этими препятствиями, то, разумеется, вся эта экспроприация в подлинном смысле этого слова могла бы быть осуществлена немедленно. Я говорю экспроприация в подлинном смысле этого слова, понимая под этим не юридическую отмену частной собственности, а экономическое преобразование, преобразование формы хозяйства, мелкого хозяйства, прикрепленного к отдельным лицам или маленьким семейным ячейкам. Сам Каутский не отрицает безусловно возможности такой экспроприации, такого насильственного перевода крестьянского хозяйства в общественное. Он не знает, при каких условиях наступит победа пролетариата и какие воззрения будут руководить победителями. Каутский, таким образом, сам допускает, что победа пролетариата может наступить при таких условиях и победителями могут руководить такие воззрения, при наличности которых экспроприация крестьянства, разумеется, в пользу и того же крестьянства, не для его эксплуатации, а для коренного улучшения его положения, будет иметь место.

Во всяком случае, из всех соображений Каутского вытекает с очевидностью, не допускающей никаких сомнений, что отказ от немедленной экспроприации мелкого крестьянского хозяйства диктуется только *тактическими* соображениями, а не тем соображением, что такая экспроприация, иными словами немедленный перевод мелкого хозяйства с необобществленным трудом в хозяйство крупное с социализированным обобществленным трудом, сама по себе не могла бы дать сейчас же положительных результатов.

Экспроприация поземельной собственности вообще, т.е. отказ от признания каких бы то ни было юридических титулов, прав на землю со стороны отдельных лиц, к тому же всегда стояла на первом плане в числе мер, которые диктовались пролетариату в качестве самых очередных, подлежащих немедленному выполнению в самый момент приобретения или захвата им политической власти. Еще в 1847 г. Маркс и Энгельс в „Коммунистическом Манифесте“ указывали на то, что *пролетариат, достигнув политического господства* может в наиболее передовых (в то время) странах принять ряд мер, ведущих к социализму, в том числе на первом месте—*экспроприацию поземельной собственности*.

По отношению к крупной поземельной собственности этот же взгляд поддерживался Энгельсом и почти полстолетием позже, когда он по отношению к мелким крестьянам делал такое же изъятие, как

и Каутский, и, очевидно, по тем же *тактическим* соображениям. Почти полвека спустя после появления „Коммунистического Манифеста“ Энгельс писал: „Очевидно, что, *обладая государственной властью*, мы не будем думать о том, чтобы насильем экспроприировать мелкого крестьянина за вознаграждение или нет—безразлично. Мы вынуждены сокрушить крупного землевладельца—это наша задача. По отношению к мелкому крестьянину она состоит прежде всего в том, чтобы его частное производство—собственность, перевести в товарищество, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели *)

Энгельс здесь точно также не говорит, что частное производство—собственность мелкого крестьянина сами по себе являются вещью хотя бы в малой степени желательной. Если он против немедленной экспроприации мелкого крестьянина пролетарской властью, то не потому, что такая экспроприация, такой насильственный перевод индивидуального хозяйства и хозяйство общественное, товарищеское являлись в его глазах чем-то предосудительным или по результатам своим чем-то вредным. Кстати укажем, что Энгельс здесь под экспроприацией понимает не юридическую отмену частной собственности, а экономическую перемену формы хозяйства, прикрепленного *особо* к отдельным индивидуумам. Он отождествляет *частное производство* и *собственность*. Он юридическую отмену частной собственности, сопровождаемую нарезыванием земли отдельным крестьянам, уравнильной или иной дележкой ее между отдельными крестьянами, экспроприацией не считал бы. Экспроприацию же в собственном смысле, т. е. отрывание земли от особого прикрепления к отдельным лицам, индивидуально прилагающим к ней свой труд в формах самых отсталых и даже первобытных, и передачу ее тем же или иным лицам для применения к ее обработке обобществленных, наиболее производительных форм труда, Энгельс, разумеется, считал и не мог не считать чрезвычайно желательной и даже необходимой. Только по тактическим соображениям, по соображениям нежелательности создания враждебных чувств к пролетариату со стороны столь крупного слоя населения, как крестьянство, которое к моменту диктатуры пролетариата еще не проникнуто, в силу всех прежних исторических условий, в силу своей раздробленности и распыленности в процессе земледельческого труда, идеями социализма, он предлагает более медленный путь: не немедлен-

*) F. Engels, Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland, „Neue Zeit“, 1894 г. № 10 (имеется русский перевод с предисловием Г. Паеханова, 1905 г., в нем ср. стр. 39).

ный перевод в коллективный строй, а постепенный перевод путем примера и оказания помощи.

И, уже само собою разумеется, что все эти взгляды и мнения Энгельса и Каутского относительно необходимости повременить с экспроприацией мелкой земельной собственности отнюдь не навеяны тем соображением, что пролетариат, достигнув господства, должен остановиться перед „святостью“, неприкосновенностью прав отдельных лиц. Для пролетариата, стоящего у власти, могут играть решающую роль соображения *тактические* — не создавать себе врагов мерами, разумность которых еще не самоочевидна для соответственных слоев населения; эти соображения и играют роль в рассуждениях Энгельса и Каутского. Для пролетариата, стоящего у власти, могут играть роль соображения *целесообразности*; эта целесообразность, как мы видели, не говорит в пользу сохранения мелкого производства — собственности. Но для пролетариата, стоящего у власти, не играют и не могут играть никакой роли соображения *правовые*, т. е. соображения о том, что своими мерами, направленными ко благу всего человечества, он посягает на права отдельных лиц. Такие соображения удерживать пролетариат от принимаемых им мер отнюдь не могут. И такое поведение было предначертано пролетариату, ставшему господствующим классом, еще в „Коммунистическом Манифесте“, где мы читаем по адресу противников коммунизма: „Не спорьте с нами, измеряя уничтожение буржуазной собственности вашими буржуазными представлениями о свободе... праве и т. д. Ваши идеи сами являются порождением буржуазных производственных и имущественных отношений, точно так же, как ваше право представляет лишь возведенную в закон волю вашего класса, волю, содержание которой дано в материальных условиях существования вашего класса“. Или еще: „Законы, мораль, религия представляются ему (пролетариату) рядом буржуазных предрассудков, за которыми скрывается такой же ряд буржуазных интересов... Пролетарии могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный прежний способ присвоения, а тем самым и все прежние способы присвоения. У пролетариев нет своей собственности для обеспечения, они должны разрушить всякую существовавшую до сих пор частную обеспеченность и все прежние способы частного обеспечения“. Или далее: „Коммунистическая революция — самый радикальный разрыв с традиционными имущественными отношениями; неудивительно, что в ходе ее развития совершается самый радикальный разрыв с традиционными идеями“. Или, наконец: „Пролетариат воспользуется своей политической властью, чтобы постепенно

вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Это возможно, конечно, вначале лишь путем деспотических посягательств на *имущественное право и на буржуазные производственные отношения, т.е. путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостижимыми цели и невыносимыми*, но которые в ходе развития идут дальше поставленной им цели и неизбежны, как средство переворота во всем способе производства“ *).

Пролетариат, властвующий пролетариат не может и не должен, следовательно, почтительно останавливаться перед правом, как перед чем-то священным, не должен останавливаться в нерешительности перед так-называемыми субъективными правами, перед правами отдельных лиц. Пролетариат далеко не во всем может согласиться с взглядами основоположника позитивной, положительной философии, Огюста Конта. Но в отношении к праву вообще он вполне может разделить взгляды Конта, высказанные им в следующих положениях: „Слово право должно быть так же вычеркнуто из настоящего политического языка, как слово причина из подлинного философского языка. Из этих двух теологико-метафизических понятий одно (право) настолько же безнравственно и анархично, насколько другое (причина) иррационально и софистично. Настоящие права могли существовать лишь до тех пор, пока власть вела свое происхождение от сверхъестественных сил... В позитивном строе, уже не допускающем божественных оснований, идея права исчезает безвозвратно. Каждый имеет обязанности по отношению ко всем, но никто не имеет прав в собственном смысле этого слова“ **).

Итак, в двух главнейших областях человеческой деятельности, направленных к удовлетворению людских потребностей, в двух областях, без надлежащего функционирования которых невысказанное существование человечества, в двух областях, связанных неразрывно на практике и столь же неразрывно соединенных на гербе Р. С. Ф. С. Р. символически в виде молота и серпа, в промышленности и сельском

*) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Манифест Коммунистической партии», пер. П. Орловского, 3-е изд., 1918 г., стр. 48, 56, 60 и 61. Подчеркнутые мною в тексте слова могут быть противопоставлены приведенными выше рассуждениями Каутского о разрухе, которая создалась бы в случае приудачливого перевода крестьянского мелкого хозяйства в общественное. Может быть и это мероприятие, которое кажется недостижимым цели и невыносимым, так же неизбежно, как средство переворота во все способе производства.

**) См. Aug. Comte, Système de politique positive, изд. 1890 г., I стр. 361.

хозяйстве,—пролетариату, получившему власть, необходимо немедленно порвать со всем прежним строем, со всей прежней организацией, со всеми прежними организующими или, вернее, дезорганизаторскими началами, которые в том строе выражались в форме права. Он не должен и не может остановиться почтительно перед прежней организацией и прежним правом. Наоборот, говоря словами „Коммунистического Манифеста“: „Пролетариат, самый нисший слой современного общества, не может выпрямиться, не взорвав на воздух всю надстройку слоев, образующих официальное общество“ *).

Но, повторяю, эта задача, задача полного, всестороннего и самого решительного разрыва с прошлым строем требует немедленного и энергичнейшего приступа к выполнению другой положительной задачи—возведения нового здания на расчищенном от развалин прошлого месте. Пролетариат должен выполнить двойную задачу, задачу, воспеваемую им на всех языках в боевой своей песне, в „Интернационале“: „Весь мир насилья мы разроем до *основанья*, а затем мы наш, мы новый мир построим“.

Мы перечислили только главнейшие отрасли человеческой деятельности, организацию которых пролетариат, став у власти, не может ни минуты сохранить в прежних формах. Мы могли бы перечислить еще значительное количество таких отраслей. Ограничимся здесь только одной отраслью деятельности, обеспечивающей одну из необходимейших людских потребностей, а именно потребность в жилище. Мы уже видели раньше своеобразные чудеса капиталистического строя, в котором увеличение числа скота и уменьшение числа людей влекут за собою голодание все большего и большего количества людей, вынужденных искать прокормления в других странах; в котором изготовленные скабресных картин, безнравственных книг, фальсифицированных продуктов предпочтительнее, потому что прибыльнее изготовления художественных картин, научных книг и нефальсифицированных продуктов. Еще одно из чудес капиталистического строя заключалось в том, что чем меньше помещение, чем отвратительнее в нем воздух, чем более мерзки антисанитарные его условия, тем оно предпочтительнее для капиталиста-предпринимателя, ибо давало ему прибыль большую, чем соответственные хоромы, возведенные по последнему слову стро-

*) См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, цитир. перевод., стр. 49.

ительной науки и обставленные наилучшими удобствами *). В этих-то наиболее отвратительных, но наиболее для капиталистов прибыльных помещениях ютилось подавляющее большинство населения, умирая и заболевая тысячами и десятками тысяч от антисанитарных условий своего жилища.

Спрашивается, может ли и должен ли пролетариат, став у власти, продолжать жертвовать жизнью тысяч и десятков тысяч тружеников в угоду удобствам и роскоши владельцев особняков, может ли он сохранить прежнюю организацию домостроительства, должен ли он считаться с „правами“ домовладельцев и квартировладельцев. Что важнее: жизнь и здоровье сотен тысяч людей или „права“ отдельных лиц?

V.

Итак, во всех этих областях пролетариат, став у власти, должен заняться немедленным уничтожением прежнего режима, должен порвать с прежними организациями, должен беспощадно посягать на все буржуазные правоотношения. Удары, наносимые в этой области властвующими пролетариатом, должны быть столь сокрушительны, что потрясенное „общество“ должно казаться погибающим. „Разруха“, является неотъемлемой и неизбежной принадлежностью этих *первых* приемов пролетарской хозяйственной политики. С гениальным научным предвидением предсказали это еще авторы „Коммунистического Манифеста“, слова которых по этому вопросу мы цитировали несколькими страницами раньше.

Ставший у власти в России, пролетариат начал наносить эти удары с подобающей силой, хотя—год спустя можно уже сказать—с неполне достаточной скоростью. Но за первыми, менее решительными шагами последовали шаги, более уверенные, более рассчитанные. Шаги эти превратились затем в твердую поступь идущего прямо к цели.

Первые удары нанесены были пролетариатом буржуазному „обществу“ в главнейших отраслях людской деятельности, призванной обеспечить основные потребности людей, в области промышленного труда и землевладения, захваченных пролетариатом в первую очередь

*) Прав Бебель, говорящий о капиталисте, занимающемся парцелляцией земельных участков: „при большом числе мелких владельцев у него самые верные шансы на возможность дальнейшего ведения своего ростовщического предприятия с наилучшими для него результатами. Как известно, добавляет он, и городские дома со многими маленькими квартирками дают самый высокий доход“. Ср. Bebel в *привед. сочин.*, стр. 357.

и даже запечатленных на гербе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, неразрывно здесь соединенных в виде молота и серпа.

В деле организации всего народного хозяйства, в деле регулирования предприятий, применяющих чужой наемный труд, в деле урегулирования условий этого труда пролетариат России, став у власти, с самого начала пошел по пути не сотрудничества с прежними организациями, не поступления к ним на выучку, не согласования своей деятельности с их деятельностью, а по пути полного устранения их от всякой руководящей роли, по пути беспощадного посягательства на прежние правовые титулы — частную собственность и договор. Собственники были устранены от всякой руководящей роли. Частные договоры рабочих с предпринимателями были признаны необязательными.

Сначала не было формального посягательства на самое право собственности. Но связанное с правом собственности право бесконтрольного распоряжения было уничтожено. „В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельско-хозяйственных, транспортных, кооперативных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или дающих работу на дом“, был введен чисто рабочий контроль над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятий.

Были намечены не соглашения, не совместная с организацией капиталистов, не совместная с капиталистами работа, не участие рабочих в управлении предприятиями, а полное подчинение „хозяев“, собственников, в деле управления их предприятиями, решениям рабочих организаций.

„Рабочий контроль, говорилось в декрете от 14-го ноября 1917 года (ст. 2), осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные организации, как-то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п.“ *) „Решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий“, сказано было дальше (ст. 8) в том же декрете. Органы рабочего контроля получили право наблюдать за производством, устанавливать минимум выработки пред-

*) Правда, тут же содержалась и прибавка, своего рода ложка дегтя в бочке меда: „Причем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала“. Но, вель, служащие (в особенности высшие) и технический персонал до этого времени направляли деятельность предприятия в том духе капиталистической наживы, барыша, в том противорбочем духе, о котором говорилось выше. Их участие должно было оказаться и на практике оказалось весьма бесполезным.

приятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов (ст. 6). Словом, все организаторские функции собственника от него отнимались и передавались выборным коллективам рабочих. Они получили право контроля всей деловой переписки предприятия, при чем за сокрытие корреспонденции владельцы были объявлены ответственными по суду. Коммерческая тайна отменяется. Владельцы обязуются пред'являть органам рабочего контроля все книги и отчеты как за текущий год, так и за прошлые отчетные годы. Святая святых капиталиста, все его тайные приемы и махинации, в результате которых получались приведенные выше и еще много других чудес капиталистического строя, в результате которых добро превращалось в зло, а разумное—в бессмыслицу,—все это должно было стать известным рабочим массам не затем, чтобы они таким приемам подражали, а затем, чтобы они от них отвернулись, отказались от всего этого гнусного опыта капиталистических организаций.

Ввести такой рабочий контроль—это означало поразить капиталистическую организацию в самое сердце. Это означало оставить предпринимателям только фикцию права. Предприниматели, капиталисты, капиталистические организации, акционерные общества это поняли. Но поняв это, поняв, что у них остается только фикция права капиталисты поступили не так, как предсказывал Э. Бернштейн в изложении его мыслей К. Цеткин. Как мы помним, К. Цеткин формулировала мысли Бернштейна следующими словами: „Согласно взглядам Бернштейна; капиталистическая собственность, благодаря контролю закона и Профессиональных Союзов, ограничивается до такой степени, что в одно прекрасное утро у *самого капиталиста пропадет охота обладать собственностью*, в виду того, что собственность его сохраняется за ним только, так сказать, в виде *фикции права*“. Но когда в прекрасное утро 15-го ноября 1917 года, капиталисты из расскленного на улицах Питера декрета о рабочем контроле узнали о том, что их собственность сохраняется за ними только, так сказать, в виде фикции права, у них отнюдь не пропала охота обладать собственностью. Наоборот, когда они почувствовали, что именно они теряют, охота обладать у них, повидимому, возросла еще больше прежнего.

Никакого желания подчиниться рабочему контролю капиталистические организации не обнаруживали. Упорное неподчинение декрету о рабочем контроле со стороны капиталистов повлекло за собой дальнейшие беспощадные посягательства не только на капиталистическое право распоряжения, но и на самое право собственности.

Постепенно за отказ подчиниться рабочему контролю стали конфисковываться, стали об'являться собственностью пролетарского государства, собственностью Российской Республики имущества капиталистических крупных предприятий. Декрет о рабочем контроле вступил в силу 16 ноября 1917 г., а уже 7-го декабря того же года, „в виду отказа заводууправления Акционерного Общества Богословского горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество Акционерного Общества Богословского горного округа в чем бы это имущество ни состояло, и об'явить его собственностью Российской Республики *)

За Акционерным Обществом Богословского горного округа 9 декабря последовало, по тем же причинам, Акционерное Симское Общество горных заводов, 27 декабря—общества Сергинско-Уфалейного и Кыштымского горных округов.

Капиталисты не только всеми мерами противодействовали осуществлению рабочего контроля, но и готовы были разрушить всю производственную организацию, ликвидировать, т.е. закрыть, уничтожить фабрики и заводы: 15 декабря Совет Народных Комиссаров счел себя вынужденным конфисковать имущество Русско-Бельгийского металлургического общества в виду новых обстоятельств, в виду новых, только-что указанных приемов парализованных собственников: „В виду заявления правления Русско-Бельгийского металлургического общества о ликвидации дел общества к 5-му января 1918 г. и явного нежелания подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабо-

*) Заметим, что здесь, в области уничтожения частной собственности на промышленные средства производства, коммунистическая власть, свободная от всякого воздействия мещанских (лево-народнических, лево-эсеровских) воззрений, нисколько не опасалась сохранить термин „собственность“, нисколько не старалась заменить его, как по отношению к земле, терминами „общенародное достояние“, „всенародное достояние“ и т. п. Она здесь не забывала, что еще авторы „Коммунистического Манифеста“ писали: „Для коммунизма является характерным не уничтожение собственности вообще, а уничтожение буржуазной собственности... Быть капиталистом, значит занимать не только личное, но и общественное положение в производстве. Капитал представляет общественный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, пожалуй даже в конечном счете всех членов общества. Итак, капитал общественная, а не личная сила. Следовательно, если капитал будет превращен в общую, всем членам общества принадлежащую собственность, то при этом не произойдет превращения личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она утратит свои классовые черты (Ср. Манифест Коммунистической партии, цитир. русск. пер., стр. 52-53).

чего контроля над производством". „К Обществу Электрического Освещения 1886 г.“ пришлось 16 декабря применить ту же меру: „в виду того, что „Общество электрического освещения 1886 года“, получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятия“.

Целый ряд заводов были конфискованы в виду стремления их номинальных владельцев совершенно дезорганизовать все дело, принять меры, абсолютно неприемлемые с точки зрения рабочей политики. Заводы и рабочие „оставлялись на произвол судьбы“ (за это конфискованы фабрики Маркушевича, завод Петроградского арматурно-электрического общества). Конфисковывались заводы за „нежелание подчиниться декрету о демобилизации и желание расчитать всех рабочих“ (Самолето-Строительный завод Андреев-Ланский и К⁰), за „отказ продолжать производство“ (Сестрорецкий металлический завод) и т. д.

Имущество общества Путиловских заводов было конфисковано 27 декабря, в виду задолженности казне, т. е. пролетарскому государству, которое и по буржуазным законам могло поэтому считаться настоящим собственником этого имущества. Также было поступлено впоследствии с Невским заводом.

В дальнейшем, на ряду с случайными конфискациями, с случайною передачей в собственность Советской Республики имуществ отдельных крупно-капиталистических предприятий, началась подготовка к более общему уничтожению частной собственности на средства производства и самое уничтожение этой частной собственности сначала в отдельных отраслях промышленности, а затем и во всей области промышленной деятельности.

Главнейшие и крупнейшие капиталистические предприятия были организованы в виде акционерных компаний. Право распоряжения капиталистов в области производства было у них отнято путем установления рабочего контроля. Но у них оставалось право извлечения доходов, право получения дивидендов по акциям и право распоряжения этими акциями, право их переуступки другим лицам по началам свободного договора. Поэтому в виде подготовительной меры к полной отмене капиталистической собственности на средства производства были временно приостановлены платежи дивидендов по акциям и все вообще сделки с ценными бумагами.

Общая национализация отдельных отраслей промышленности, общее лишение права частной собственности на средства производ-

ства было применено к спичечным и свечным фабрикам (7 марта 1918 г.), к сахарной (3 мая) и нефтяной (22 июня) промышленности. И наконец, 28 июня, „в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты“, Совет Народных Комиссаров постановил: объявить собственностью или достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики все главнейшие расположенные в ее пределах промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались.

Но и в этом последнем, столь страшном на вид декрете не исчезли исторические следы частной собственности, исторические следы прежней принадлежности этих предприятий отдельным лицам по началам частной собственности: прежние владельцы этих предприятий должны были, *по общему правилу*, в течение неопределенного времени продолжать получать доходы с предприятий на прежних основаниях.

„Вперед до особого распоряжения Высшего Совета Народного Хозяйства по каждому отдельному предприятию, говорилось в декрете от 28 июня, предприятия, объявленные, согласно настоящему декрету, достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, признаются находящимися в *безвозмездном арендном пользовании* прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно *получают с них доходы* на прежних основаниях.

И только такими особыми распоряжениями Высшего Совета Народного Хозяйства по отдельным предприятиям вытравляются последние следы частной собственности на средства производства, по крайней мере, по отношению к главнейшим отраслям промышленности.

Как видим, даже в области разрушительной, даже в области отмены частной собственности пролетарская власть не шла столь решительным и скорым шагом, как это рисовали себе многие сторонние наблюдатели.

Необходимо добавить, что один общий, решительный удар институту частной собственности был нанесен декретом Центрального Исполнительного Комитета от 27 апреля 1918 г. об отмене наследования. Этим декретом, как уже заявлено мною в другом месте *), наносится поражающий на-смерть удар институту частной собственности. Она перестает быть чем то по идее своей вечным, из поколения в

*) См. журнал „Пролетарская революция и право“, 1918 г., № 2, стр. 6.

поколение, из рода в род переходящим по началам индивидуального права. Частная собственность превращается в—максимум—*пожизненное владение*: имущество остается прикрепленным к отдельному лицу самое большее на срок его жизни и не дольше. После же смерти каждого индивидуального обладателя оно становится достоянием не индивидуума, а коллектива—пролетарского государства. Благодаря отмене частного права наследования, над институтом частной собственности нависает Дамоклов меч кратковременного существования и преходящего значения. Эта отмена права наследования должна поэтому иметь чрезвычайно важное для дела социализма социально-психологическое воспитательное действие; она должна содействовать в весьма значительной степени искоренению собственнических, индивидуалистических инстинктов. Поэтому пролетарская власть, не об'явившая еще общей национализации всех предприятий, об'явила отмену передачи частной собственности по наследству *без всяких изъятий*.

Но и здесь некоторые исторические следы прежней частной собственности были оставлены. Имущество, оставшееся после умершего, должно служить фондом или источником для доставления содержания *его* оставшимся в живых нуждающимся близким родственникам или супругу. А если оно по стоимости своей не превышает 10.000 р., то и вовсе отдается в непосредственное управление и распоряжение *его* наличных родственников и супруга.

Другим общим ударом по институту частной собственности явилась национализация банков и конфискация их имущества. Самая ужасная форма капиталистической собственности, финансовый, банковый капитал, державший не только фактически, но и юридически в своем безпрекословном распоряжении целые огромные отрасли промышленности и торговли, на началах частной собственности и принудительного договора,—этот банковый капитал, как общественное отношение, был уничтожен двумя сильнейшими ударами: декретом о национализации банков и декретом о конфискации акционерных капиталов бывших частных банков.

„В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской Республики“, Центральный Исполнительный Комитет 4 декабря 1917 г. постановил: Банковое дело об'явить государственной монополией; все существующие частные акционерные банки и

банкирские конторы об'единить с государственным банком и передать последнему все активы и пассивы этих ликвидируемых предприятий. В сущности, прямым непосредственным выводом из постановлений этого декрета явилось постановление, содержащееся в декрете Совета Народных Комиссаров, опубликованном 26 января 1918 г.: „Акционерные капиталы бывших частных банков (основные, резервные и специальные) переходят к государственному банку Российской Республики на основах полной конфискации. Все банковские акции аннулируются и всякая выплата дивидендов по ним безусловно прекращается“. Разумеется, если банки национализируются, а активы и пассивы их переходят к банку Советской Республики, то это само по себе уже означает конфискацию, передачу в собственность *пролетарской* казны всех акционерных капиталов бывших частных банков, всех капиталов, составлявших частную собственность этих банков.

Нам еще придется вернуться к уничтожению пролетарской властью частной и всякой собственности в других отраслях, в особенности по отношению к земле (сельской и городской) со всеми ее принадлежностями. Сейчас же мы перейдем к изложению беспощадных посягательств пролетарской власти на другую основу капиталистического строя—*договор*.

Уже в декрете о рабочем контроле был нанесен сильнейший удар институту частного договора, обязательного частного соглашения, В силу договора найма, который капиталист заключал с отдельными рабочими или даже с их об'единениями (коллективные договоры), рабочие становились юридически в подчиненное положение, должны были подчиняться хозяйской власти, носившей, по характеристике Маркса и Энгельса; самодержавный характер. Они не могли вмешиваться в организацию производства, они должны были являться автоматически послушными исполнителями чужой воли, чужих заданий, чужих предначертаний. Организация производства — это было святое-святое капиталиста, его алтарь и жертвенник, у которого правились тайные мессы где возносились курения капиталистическому богу, имя же ему *Барыш*. Сюда непосвященные, рабочие, их организации никоим образом не допускались. И это было освящено договором, по которому никакого разделения власти в этой области, никакого допущения—даже для видимости только—к участию во власти кого бы то ни было капиталистические владыки не могли ни позволить, ни терпеть. Пролетарская власть в России одним ударом уничтожила силу этих договоров, не только сделала их необязательными, но даже превратила все прежнее положение вещей в его полную противополож-

ность. Из организации производства, из этой святая-святых капиталистов они были удалены, и этих священников капиталистического строя расстригли и возвели в их сан рабочих, рабочие организации, которые должны были раскрыть все грязные дела и тайны низверженных жрецов.

Само положение рабочих на фабриках и заводах, условия их труда также определялись договором, в России до пролетарской революции большею частью даже не коллективным договором, а частным „соглашением“ капиталиста с рабочим,—кошки с мышкою. И даже коллективные договоры, которые сильно распространены в Западной Европе, при буржуазном строе безусловно зависят от согласия капиталистической организации. Мы не говорим уже о том, что фактически отказ от соблюдения коллективных договоров зависит там почти всегда от односторонней воли капиталистов, которые соглашаются на эти договоры только под давлением обстоятельств, при наличии известной конъюнктуры и не дольше, как до ее изменения.

Пролетарская власть на местах сделала в России сначала обязательным коллективный договор вместо индивидуальных соглашений между столь неравными „сторонами“, как предприниматель и рабочий. Затем, при невозможности достигнуть соглашения с предпринимателями, коллективный „договор“ (переставший быть договором) становился обязательным по утверждению его органами пролетарской власти. Так приходилось поступать в тех случаях, когда не было коллективного предпринимателя, напр., по отношению к домашним служащим. В Положении об условиях труда и нормах заработной платы домашних служащих г. Петрограда было сказано: „Настоящий *договор* входит в силу со дня опубликования настоящего декрета“. Так приходилось поступать в тех случаях, когда не удавалось добиться соглашения с предпринимателями. В этих случаях „договор“ утверждался рабоче-крестьянской властью и считался вступившим в силу не с момента его утверждения, а с момента пред'явления его рабочими. Так, напр., в Положении о нормах заработной платы рабочих заводов „Новаль“ и „Руссуд“ г. Николаева, Херсонской губ., говорилось: „Настоящее *положение* вводится в жизнь со дня пред'явления *тарифного договора* правлению заводов“. Так приходилось поступать в тех случаях, когда предприниматели отказывались вступать в переговоры с рабочими относительно заключения коллективного договора. Так, напр., в введении к тарифу союза металлистов, утвержденному Народным Комиссариатом Труда, было сказано: „Несмотря на неоднократные вызовы представителей общества (заводчиков и фабрикантов), на заседание

в Комиссариат Труда они не явились, и тогда пришлось прибегнуть к рассмотрению тарифных ставок правительственными органами и опубликованию их в виде декрета. В силу этого тарифный договор союза металлистов входит в законную силу и отныне становится обязательным для всех казенных и частных предприятий петроградского района“.

Эта практика была впоследствии обобщена в опубликованном 2-го июля 1918 г. Положении о порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда. Согласно этому положению, проект коллективного договора пред'является союзом рабочих или служащих соответствующему союзу или обществу предпринимателей, а за отсутствием их—непосредственно предпринимателям данного района. Предприниматели обязаны в 7-дневный срок дать ответ о согласии или несогласии принять договор и о своем желании вступить в переговоры. При достижении соглашения сторон проект коллективного договора должен быть представлен в Комиссариаты труда для регистрации, просмотра, утверждения и придания ему законной силы. В случае же получения от предпринимателей отрицательного ответа, или в случае расхождения при переговорах, союзы рабочих или служащих входят в Комиссариаты труда, от которых зависит утвердить, изменить или отклонить договор. При чем все тарифные, коллективные и т. п. договоры и нормы входят в силу со дня утверждения Народным Комиссариатом Труда или его полномочными органами.

Здесь все еще сохраняется идея договора, частного соглашения, которое подлежит утверждению.

Но в Кодексе Законов о Труде рабочим дана преобладающая, решающая роль, как в деле управления производством, так и в выработке условий труда. По отношению к управлению производством в вводной части Кодекса Законов о Труде (ст. V) сказано: „В предприятиях и хозяйствах, применяющих труд в форме организованного сотрудничества, трудящимся должно быть предоставлено под руководством центральной Советской власти самое широкое самоуправление, на котором одном может быть основано плодотворное воспитание трудящихся масс в духе социалистического и коммунистического строя“. По отношению же к установлению условий труда там же говорится (ст. 8—9): „Условия труда во всех предприятиях и хозяйствах советских, национализированных, общественных и частных регламентируются тарифными положениями, вырабатываемыми профессиональными союзами по соглашению с руководителями или владельцами предприятий

и хозяйств и утверждаемыми Народным Комиссариатом Труда. При невозможности достигнуть соглашения с руководителями предприятий и хозяйств, тарифное положение вырабатывается профессиональным союзом и непосредственно поступает на утверждение Народного Комиссариата Труда. Труд в форме предоставления личных услуг и в форме выполнения отдельной, определенной работы регламентируется тарифными положениями, вырабатываемыми соответствующими профессиональными союзами и утверждаемыми Народным Комиссариатом Труда“.

Здесь все еще частное соглашение (с предпринимателями) играет некоторую роль, чего-то предварительного, что должно в огромном большинстве случаев предшествовать утверждению тарифа органами рабоче-крестьянской власти. Частные соглашения сохраняют свою силу, согласно Кодексу, еще в одном отношении. В вводной части Кодекса (ст. IV) содержится следующее постановление: „Все соглашения о труде, как ранее состоявшиеся, так и впредь заключаемые, поскольку они противоречат постановлениям настоящего Кодекса, недействительны и необязательны ни для трудящихся, ни для применяющих чужой труд“. Эти соглашения, следовательно, действительны, имеют силу лишь в том случае, если они направлены на улучшение положения трудящихся по сравнению с тем положением, которое регламентируется и обеспечивается постановлениями Кодекса Законов о Труде.

Но по отношению к правилам внутреннего распорядка, по отношению к тому, что раньше в прежнем строе являлось областью самодержавной хозяйской власти, по отношению к чему фабрикант являлся, согласно приведенным выше словам Энгельса, самодержавным законодателем, куда он включал правила, какие ему заблагорассудится, которые он изменял и исправлял, как ему на ум взбредет, куда он мог включить самые нелепые вещи, и судьи все же заявляли бы рабочему: так как вы *добровольно* пошли на условия такого *контракта*, такого *договора*, то вы обязаны исполнять его, — по отношению к этим правилам Кодекс Законов о Труде окончательно свергает прежнего законодателя с престола и лишает его всякой власти, всякого участия в выработке этих правил. По статье 123 Кодекса: „Правила внутреннего распорядка для предприятий и хозяйств советских, национализированных, общественных и частных вырабатываются *профессиональными союзами* и утверждаются соответствующими отделами труда“, т.-е. вырабатываются *рабочими без участия предпринимателей* и утверждаются органами *рабочей* власти.

В этой области, следовательно, договор, как средство эксплуатации трудящихся, уничтожен и сохранен лишь в качестве средства для улучшения положения рабочих, по сравнению с обязательным минимумом.

Само приложение человеческой рабочей силы, по крайней мере в случаях ее приложения за вознаграждение, также не зависит от частной воли. Пресловутая „свобода труда“, т.е. возможность свободной эксплуатации труда, та „свобода труда“, о которой Каутский как-то отозвался: „Бедная свобода! У нее нет других защитников, кроме рабовладельцев“, — эта „свобода труда“ устранена пролетарской властью окончательно. Пролетарская власть установила, прежде всего, всеобщую трудовую повинность для всех трудоспособных. Во-вторых, она дает каждому трудоспособному право требовать предоставления ему возможности приложить свою рабочую силу в подходящей для него деятельности. Поэтому работа может быть предоставляема только через учетно-распределительный аппарат, каким являлись вначале биржи труда, а в настоящее время отделы *распределения рабочей силы*. Эти органы учитывают потребность в разного рода работах и рабочих в разных местах, предоставляют работу ищущим ее в известной, ими устанавливаемой очереди, выдавая не получающим работы безработным пособия, необходимые для жизни. Они могут переправлять рабочих из одной местности в другую.

Словом, анархическое, хаотическое положение прежнего времени, регулировавшееся или, вернее, остававшееся неурегулированным при помощи договора, заменяется здесь организующими началами, целесообразной и планомерной организацией, сознательным распределением наличных трудовых сил для наилучшего их использования в интересах всех трудящихся.

В другой области, где сила договора до тех пор считалась совершенно незыблемой, рабоче-крестьянская власть также не постеснялась лишить его всякой силы. 28 января 1918 г. был опубликован декрет Ц. И. К. об аннулировании государственных займов, тяготевших непосильным бременем над трудящимися и беднейшими слоями населения. Первые статьи этого декрета гласили: „Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии..., аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. Декабрьские купоны названных займов оплате не подлежат. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы“

Вернемся из области договора опять в область ударов по частной собственности и, прежде всего, по собственности на землю.

В первый же день после захвата власти рабочими, когда еще шли кровавые бои на улицах Питера между восставшими рабочими и сторонниками буржуазного строя, 26 октября 1917 г., второй всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов принял декрет о земле. Этим декретом сокрушался главный враг — помещик, помещичье землевладение, помещичья собственность на землю; мелкое же крестьянское землевладение оставалось нетронутым. Словом, было поступлено так, как указывал Ф. Энгельс в приведенной выше его работе: „Крестьянский вопрос во Франции и в Германии“. В декрете содержались следующие краткие, хотя и неточные, но весьма решительные постановления: Помещичья собственность на землю отменяется немедленно и без всякого выкупа, земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются. Относительно конфискуемой земли, конфискуемого имущества в том же декрете указывалось, что они принадлежат отныне всему народу.

Затем, когда пролетарской власти приходилось весьма сильно считаться по вопросу о земле не с пролетарской, а с мелко-крестьянской идеологией, был издан декрет о социализации земли. При социализации других средств производства, при социализации крупнейших фабрично-заводских предприятий пролетарская власть, как мы видели выше, отнюдь не опасалась передать эти средства производства в собственность трудящихся, трудового коллектива, иначе в собственность социалистической советской республики трудящихся. Только такие меры и могут считаться социализацией в настоящем смысле слова, т.е. передачей средств производства в собственность, в распоряжение трудового общества для использования их посредством обобществленного труда, для приложения к ним обобществленной, на основе разделения труда, рабочей силы.

По отношению же к главнейшему средству производства, к тому же отнюдь не данному от природы *в готовом виде*, а являющемуся также результатом человеческого труда (улучшения, дренаж, насаждения и т. д.) — к этому главнейшему средству производства, к земле со всеми ее принадлежностями не была применена та же мера.

По декрету о социализации земли (ст. 1), „всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда“. Это постановление по отношению к недрам и живым силам природы, *новидимому*, не принималось всерьез. Так, напр., вся электрическая

промышленность и промышленность, применяющая электричество, Продолжала почти исключительно оставаться в частных руках, и, следовательно, такая „живая сила“ природы, как электричество, оставалась частной собственностью отдельных лиц. Затем, при общей национализации крупнейших предприятий, 28 июня 1918 года, в числе прочих были об'явлены *собственностью* Российской Социалистической Федеративной Советской Республики все принадлежащие акционерным обществам и паевым товариществам *электрические станции*, производящие электрический ток на продажу. Затем, в тот же день, 19 февраля 1918 г., когда был опубликован декрет о социализации земли, был опубликован декрет о конфискации имущества акционерного общества верхисетского *горного* округа, в чем бы это имущество ни состояло, и об об'явлении его собственностью Российской Республики, т.-е. собственностью Республики были об'явлены и соответственные недра. Точно также через несколько дней, 24 февраля, был опубликован декрет об об'явлении государственной собственностью Николо-Павдинского *горного* округа со всеми принадлежащими ему предприятиями. Точно также в опубликованном 22 июня 1918 г. декрете о национализации нефтяной промышленности были об'явлены *государственной собственностью* предприятия нефтедобывающие со всем их недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось. И, наконец, при общей национализации крупнейших предприятий, 28 июня, были об'явлены *собственностью* Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и все крупные предприятия по *добывающей горной промышленности* со всеми их имуществами, в чем бы таковые ни заключались.

Правда, в законе о социализации земли имеется целый ряд указаний на меры, которые должны способствовать введению социализма в сельском хозяйстве, но все эти меры в значительной степени парализуются общей нормой о наделении землей отдельных лиц, о передаче земли в пользование только тех, кто на ней работает, кто ее обрабатывает собственным трудом.

Так, напр., в ст. 11 закона о социализации земли указывается, что в задачи распоряжения землей со стороны земельных отделов Советской власти входит (на последнем месте, п. д.) „развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных *в целях перехода к социалистическому хозяйству*“. В ст. 35 того же закона говорится: „Российская Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие

(культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйству перед единоличным". Ст. 21 закона о социализации земли гласит: „Земля предоставляется в пользование в первую очередь тем, кто желает работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы". В примечании к следующей статье сказано: „При установлении порядка передачи земли в пользование предпочтение отдается трудовым сельско-хозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами". Наконец, в ст. 13 органам советской власти предоставляется для поднятия сельско-хозяйственной культуры (устройство сельско-хозяйственных образцовых ферм или опытных показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих) определенные участки земли и обрабатывать их трудом, оплачиваемым государством".

Но все эти прорывы в царство социализма, все эти бреши в толстой стене крестьянского индивидуализма прочно заделаны такими общими правилами, которые содержатся в ст. 3: „Право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее *собственным трудом*, кроме случаев, особо предусмотренных настоящим законом", и в ст. 13—„общим и основным источником права на пользование землей сельско-хозяйственного значения является личный труд".

На самом деле, каков смысл этих постановлений? Что понимается здесь под „правом пользоваться землею" или „правом на пользование землей"? Можно ли здесь понять это право, как простое право обрабатывать, возделывать землю? Отнюдь нет. Ибо при таком понимании получалось бы, что право обрабатывать землю принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, иными словами—полная тавтология, ничего не говорящая. Писать такое правило—было бы совершенно излишне, все равно, как если бы писать, что право работать на заводе принадлежит лишь тем, кто на самом деле работает. Следовательно, право пользоваться землей должно быть понято и понималось здесь в совершенно ином смысле, в смысле использования земли, в смысле извлечения из нее выгод. И получалось, таким образом, что, по общему правилу, право пользоваться землею, право извлечения выгод из такого основного средства производства продуктов, необходимых для всего трудового народа, как земля, — такое право извлечения выгод из земли было предоставлено только тем, кто обрабатывает ее собственным трудом.

Иными словами здесь, в области земледелия было поступлено точно так же, как если бы было установлено, что правом извлечения

выгод из заводов пользуются только те рабочие, кто на этих заводах работает. И хотя в другом месте было сказано, что земля предоставляется в пользование в первую очередь тем, кто желает работать на ней *не для извлечения личных выгод*, а для общественной пользы, на самом деле, как общее правило, было установлено обратное. На самом деле, в виде общего положения, было установлено правило, совершенно противоположное тому, которое содержится в ст. 2 Закона о социализации земли— „земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа“. В действительности же, она, по общему правилу, была передана в пользование (в смысле использования, извлечения выгод из нее) не всему трудовому коллективу, а отдельным лицам или группам лиц.

Здесь было укреплено *индивидуалистическое* начало, начало единичных мелких хозяйств, в то время как следовало бы рекомендовать, по словам Ф. Энгельса, „соединение хозяйств в товарищества, которые могли бы постепенно стать *ветвями великого производительного национального товарищества* с равными правами и обязанностями“, или, согласно другому утверждению Ф. Энгельса, устроить дело так, чтобы „орган, заведующий делами всего общества в его целом“, т.-е. у нас центральная советская власть, могла „иметь на них влияние, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять в правах и обязанностях как все товарищество во всем его целом, так и отдельных его членов с *остальными разветвлениями социалистического общества*“ *) (курсив везде здесь мой.—А. Г.)

Постепенно только рабоче-крестьянская власть стала высвободиться из-под власти чуждой ей мелкособственнической идеологии и принимать ряд мер, направленных к постепенному водворению социализма и в области сельского хозяйства. Эти меры находятся еще в начальной стадии развития. Движение здесь совершается ощупью, с большой осторожностью и медленной постепенностью.

Особое значение в ряду этих мер имеет Декрет Совета Народных Комиссаров, опубликованный накануне годовщины пролетарской революции, 6-го ноября, декрет об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства. „В целях улучшения и развития сельского хозяйства, говорится в этом декрете, и *скорейшего переустройства его на социалистических началах*... образовать специальный фонд в размере одного миллиарда рублей для выдачи пособий

*) Ср. Ф. Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, цит. в ер. стр. 44 и 40

и ссуд на мероприятия по улучшению сельского хозяйства". Пособия и ссуды из этого фонда выдаются только сельско-хозяйственным коммунам и трудовым товариществам и сельским обществам или группам, при условии перехода последних от *единоличной* к *общей* обработке и уборке полей. Всем этим хозяйствам пособия и ссуды выдаются только при обязательном соблюдении ими двух следующих условий: 1) проводить на данном участке ту систему хозяйства и те мероприятия по улучшению хозяйства, которые будут установлены специальным агрономическим органом земельных отделов, под общим контролем Народного Комиссариата Земледелия и 2) погашать государству ссуду натурой.

При проведении такой меры, говоря вышеприведенными словами Ф. Энгельса, орган, заведующий делами всего общества в его целом, будет иметь на них влияние, необходимое для того, чтобы постепенно *перевести крестьянское товарищество* в высшую форму и сравнять в правах и обязанностях как все товарищество в его целом, так и отдельных членов его с остальными разветвлениями социалистического общества.

При этом необходимо отметить, что товарищества при соблюдении ими указанных условий, могут требовать пособия и ссуды, и такие пособия и ссуды им обязан выдавать соответственный орган власти. Совершенно новое „правовое“ построение — наличность готовности принять рациональные меры, организовать целосообразно производство порождает „право“ требовать оказания содействия.

В таком же духе должны действовать изготовляемые и изготовленные постановления о сельско-хозяйственных коммунах, об общественной обработке земли и в особенности об организации советских хозяйств.

На вполне правильный *социалистический* путь становится, наконец, проект положения о социалистическом землеустройстве, который подходит в области земледелия почти к такому же построению, какое было принято уже раньше в области промышленности, подходит к созданию единого национального хозяйства, производящего для распределения продуктов между всеми членами общества.

Согласно этому проекту, вся земля в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в чем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом, состоящим в исключительном заведывании и распоряжении соответственных Народных Комиссариатов и подведомственных им местных органов.

Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации, говорится далее в том же проекте, и для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом, необходим переход от единоличных форм землепользования к коммунально-коллективным. Крупные советские хозяйства, коммуны и общественные запашки являются наилучшими средствами для достижения этой цели; поэтому на все прочие виды землепользования следует смотреть как на преходящие и отмирающие.

В основу такого социалистического землеустройства, продолжает тот же проект, должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Р. С. Ф. С. Р. наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда. В соответствии с этим землеустройство обнимает собою совокупность мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению единоличного землепользования.

Этому землеустройству подвергается вся площадь сельскохозяйственного земельного фонда, который используется в первую очередь для нужд хозяйств, организуемых советской властью, и коммун, во вторую очередь для нужд трудовых артелей и товариществ, в третью для добывания средств к существованию единоличных землепользователей.

По отношению к лесам еще 27 мая 1918 г. принят Вс. Центр. Исп. Ком. декрет, сходный с предполагаемым к изданию положением о социалистическом землеустройстве. По декрету о лесах 1) отменяется навсегда всякая собственность на лес в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 2) леса, принадлежавшие частным лицам и обществам, объявляются без всякого выкупа, явного или скрытого, *общенародным достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики* и 3) все находящиеся в лесах постройки лесохозяйственного значения с живым и мертвым инвентарем и со всеми принадлежностями *отчуждаются в общественное достояние, как и леса* *) (ст. 1—3 Декрета о лесах). А заведывание лесами осуще-

*) Объявление лесов общенародным достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики представляется чем-то мало вразумительным. Так как, согласно нашей конституции (ст. 10), „вся власть в пределах Р. С. Ф. С. Р. принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городские и сельские Советы“, то слова „общенародным достоянием“ представляются здесь излишними. Кроме того, если леса отчуждаются в общенародное достояние или в достояние Республики, то это значит

ствляется особыми техническими лесными органами местной советской власти под контролем и руководством Центрального Управления лесами Республики (ст. 6).

Весьма решительны были посягательства пролетарской власти на частную собственность и договорные отношения в области жилищной, в области обеспечения людской потребности в жилье. Помимо того, что еще в октябрьские дни были *освобождены* от внесения квартирной платы (для не очень дорогих квартир) на время войны и на три месяца по ее окончании семейства всех лиц, состоящих на военной службе,—в те же октябрьские дни городским самоуправлениям были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия в деле урегулирования жилищного вопроса.

Декретом, опубликованным 30 октября 1917 г., городским самоуправлениям было предоставлено право секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья. Городские самоуправления получили право, на основании утверждаемых ими правил и норм, не считаясь с договорами и правами отдельных лиц, *вселять* в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах.

Это право уплотнения, спасшее от болезней и смерти многие тысячи людей, подвальных жителей, широко применялось на практике органами местной власти.

Затем в декабре 1917 г. были приостановлены, в виду предстоящего обобществления городской земли, какие бы то ни было сделки по покупке, продаже, залогу и т. п. всех недвижимостей и земель в городах (Декрет о запрещении сделок с недвижимостью, опубликованный 19-го декабря 1917 г.).

Наконец, 20-го августа 1918 года Вс. Центр. Исп. Ком. принял декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах. По этому декрету еще раз отменяется *право частной собственности* на все без исключения находящиеся в пределах всех городских поселений *земельные участки* *) как застроенные, так и незастроенные, как

что отменяется не всякая собственность на лес, а только собственность частная, преобразуемая в общественную собственность всего трудового коллектива Советской Республики. Так и следовало бы сказать.

*) Декретом о социализации земли еще раньше была отменена всякая *собственность на все без исключения земли*.

принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям. А в городских поселениях с числом жителей свыше 10.000 отменяется право частной собственности на все строения (как на „своей“, так и на арендованной земле), если строения эти вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти. Все земли и строения, которые изъеются этим декретом из частной собственности, передаются в распоряжение органов местной власти.

При этом частная собственность на мелкие строения и на строения в маленьких городах сохранена лишь постольку, поскольку нет аппарата для передачи мелких строений в руки организованного коллектива трудящихся, в руки органов советской власти. Предел стоимости строений, изымаемых из частной собственности, устанавливается органами местной власти, которые считаются с наличным у них аппаратом. И тем же органам местной власти предоставляется право (ст. 20 декрета) с разрешения центральной государственной власти делать постановления о распространении действий декрета и на поселения, имеющие менее 10.000 жителей.

Этим способом пролетарская власть взяла в свои руки все готовые строения. Но в прежнем строе не заботились о том, чтобы каждый имел достойное его жилье. Поэтому всех готовых строений мало для удовлетворения, для надлежащего удовлетворения потребности в зданиях и помещениях. Только в социалистическом строе путем интенсивной и долгой, планомерной и организованной работы может быть достигнута эта задача. Пройдут, по словам К. Реннера, годы, годы богатые трудом, пока для каждого члена общества будет воздвигнуто достойное его жилье *). К организации, необходимой для выполнения этой грандиозной задачи, пролетарская власть уже приступила. Во-первых, право возводить новые строения, право застройки в городах с числом жителей свыше 10.000 принадлежит исключительно органам местной власти; а в городах с меньшим числом жителей такое право может быть предоставлено органами местной власти и частным лицам (ст. 6 декрета об отмене частной собственности на недвижимость в городах). Кроме того, еще 14-го мая 1918 года образован комитет государственных сооружений Высшего Совета Народного Хозяйства, в котором сосредоточены — в целях объединения всей строительной деятельности государства — разработка плана и устано-

*) Ср. К. Реннер, в привед. со стр. 24.

вление порядка выполнения и осуществления государственного строительства, в том числе строительства городского и сельского.

Во всех других отраслях производственной деятельности также приступлено к социалистической организации, ставящей себе целью не производство для барыша, не производство для сбыта, а производство для потребления, производство для всестороннего удовлетворения людских потребностей.

Для разработки общих норм и плана регулирования всей экономической жизни страны был создан Высший Совет Народного Хозяйства. Поскольку сельское хозяйство социализируется, объединяется, Народный Комиссариат Земледелия должен стать одной из важнейших отраслей этого единого Высшего Совета Народного Хозяйства. Созданы, кроме того, районные местные Советы народного хозяйства для организации и регулирования всей экономической жизни каждого промышленного района в соответствии с общегосударственными и местными интересами. Такие же задачи ставятся все больше и больше также и местным земельным отделам и лесным органам.

В целом ряде отдельных отраслей промышленности уже перешли от рабочего контроля к рабочему управлению. Для руководства отдельными отраслями промышленности в целях их развития и снабжения Советской Республики и населения соответственными продуктами организован целый ряд центральных учреждений (Главков и Центров): Главный золотой, Главный сахарный, Главный торфяной комитеты, Главный комитет удобрительных туков (в целях организации, поднятия производства и развития в России туковой промышленности и обеспечения населения удобрением), нефтяной, спичечной (в целях организации в России спичечной промышленности и планомерного снабжения населения спичками), резиновой промышленности, главный комитет лесной политики и деревообрабатывающей промышленности (главлес), красочной промышленности (центрокраска), главный угольный комитет, главный комитет химико-фармацевтической промышленности, центральный комитет текстильной промышленности (центротекстиль) и др.

Состав этих главных комитетов в подавляющем своем большинстве — представители рабочих организаций и рабоче-крестьянской власти. Но во многих случаях в них входили и не пролетарские элементы, очевидно, для того, чтобы использовать их технический опыт. Нередко входили в состав этих комитетов представители от заводоуправлений, которые, являясь ничтожным меньшинством, правда, терялись в общей

массе, но которые, как мы указывали раньше, пользы принести не могли *).

Постепенно после общей национализации крупнейших отраслей производства непосредственное управление ими начало сосредотачиваться в создаваемых главных управлениях или центральных управлениях государственными предприятиями соответствующей отрасли промышленности. При чем, как общее правило, во всех этих случаях установлено, что местные органы власти (совнархозы, совдепы, комиссариаты труда и пр.) не могут вмешиваться непосредственно, помимо главных управлений (центральных правлений) или их органов, в административно-хозяйственные дела управляемых ими предприятий.

Не только в области производства материальных благ приступлено к социалистической организации производства для самого широкого удовлетворения потребностей трудящихся масс. То же самое делается и в „организации производства“ духовных благ. Проводится единая для всех трудовая школа с бесплатным обучением. Широко распахнуты двери для трудящихся масс и в бесплатную высшую школу, при чем чуть ли не каждый месяц открывается новая высшая школа. Образовано государственное издательство для снабжения (по дешевым ценам, по себестоимости или даже бесплатно) книгами широких масс трудового народа. Объявлена для той же цели возможность монопо-

*) Так напр., в состав главного спичечного комитета входило 33 члена: 4 от всероссийского профессионального союза рабочих химической промышленности, 6 от съездов фабрично-заводских комитетов спичечных фабрик, 3 от Высшего Совета Народного Хозяйства, по одному от народных комиссариатов торговли и промышленности, финансов, продовольствия, земледелия, государственного контроля, от главлеса, центросоюза, всероссийского совета профессиональных союзов, от всероссийского совета и центрального союза рабочих кооперативов, от северного и московского областных продовольственных комитетов, от сибирского закупсбыта и от всероссийского союза химиков и техников, 4 от заводоуправлений и 2 от научных организаций. В состав «центроокраски» входило 9 членов: 2 от рабочих и служащих фабрик, 1 от союза химической промышленности, 2 от Высшего Совета Народного Хозяйства, по одному от центротекстиля и от главного артиллерийского управления и 2 от административно-технического аппарата заводоуправлений. В состав «Главсахара» входило 39 членов, по 13 от трех категорий: а) от всероссийского союза пищевиков—один, от профессионального союза трудящихся в сахарной промышленности—9, от земельных комитетов губерний со свекловичными плантациями—3 б) 4 от Высшего Совета Народного Хозяйства, 2 от Народного Комиссариата Финансов и по одному от народных комиссариатов земледелия, продовольствия и путей сообщения, от В. Ц. И. К., от Всероссийского Совета Профессиональных Союзов, от всероссийского совета рабочей кооперации и от московского областного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов; в) 6 от союза сахарозаводчиков, 3 от научных сил, 2 от союза инженеров и по одному от центросоюза и от общества фабрикантов кондитерского производства.

лизации авторских прав и организуется центрокнига для объединения всей издательской деятельности. Подготавливается социализация изобретений. Учрежден центральный театральный отдел для создания „нового театра в связи с перестройкой государственности и общественности на началах социализма“.

Нет возможности в этом кратком введении останавливаться на подробностях всей этой социалистической организации. Приходится ограничиться пока короткими фразами, немногословными упоминаниями о таких мерах, которые требуют для своего изложения, которые заслуживают изложения в целых книгах. Недаром Карл Либкнехт, ознакомившийся после освобождения его из тюрьмы восставшим рабочим классом Германии со сборником, с неполным сборником декретов нашей рабочей власти, заявил, что он был бы счастлив, если бы удалось осуществить хотя бы десятую долю того, что в них содержится. Прибавим, напр., что бич безработицы, что ужасы болезни, сопряженной с потерей заработка, что беспомощность лиц, потерявших способность к труду, что страх голодной смерти для неимеющих поддержки детей и малолетних,—что все это почти парализовано, почти окончательно устранено рабоче-крестьянской властью, введшей самое широкое страхование от безработицы и болезни, проводящей всеобщее социальное обеспечение трудящихся, установившей государственное попечение и опеку над детьми, лишенными поддержки родителей, и принимающей меры к тому, чтобы семьей для всякого стало все социалистическое общество.

В заключение необходимо указать, что, если трудящиеся массы России освободились от стесняющих оков частной собственности и договора, сбросили с себя ярмо капитала в области производства и приступили к социалистической организации производства для распределения, для потребления, для удовлетворения людских потребностей, то и в области обмена и распределения они не могли также не сбросить с себя ига капитала, торгового капитала, они не могли не подвести совершенно иную основу под все дело обмена и распределения.

Не говоря уже о том, что национализирована, т.-е. объявлена монополией пролетарского государства почти вся внешняя торговля декретами общесоветской, центральной власти,—почти вся внутренняя торговля муниципализирована органами местной советской власти, почти весь торговый аппарат изъят из частного оборота, подготавливается национализация торговли в общегосударственном масштабе. Изъят из частного оборота и весь почти транспорт (железнодорожные и вод-

ные пути, торговый флот и т. д.) со всеми подсобными предприятиями (зернохранилища и т. д.).

Но и в самый обмен вводятся совершенно новые начала. Если производство существует не для барыша, а для надлежащего потребления, для приближения к коммунистическому лозунгу: каждому по его потребностям, то возможно устранить принцип обмена равноценностей, принцип эквивалентности при обмене. Необходимо в этом случае считаться не столько с затраченными на обмениваемый продукт расходами, сколько с возможностью для приобретателя этот продукт получить, с его приобретательской способностью. И если в декрете от второго апреля 1918 г. об организации товарообмена говорилось еще (ст. 4, п. б) о выработке правил, гарантирующих *возврат* в распоряжение Советской Республики *всех затрачиваемых на товарообмен государственных средств*, то уже в декрете от 27 апреля того же года о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами говорится о том, что основным принципом распределения сельскохозяйственных машин должно быть снабжение ими, прежде всего, трудящейся *беднейшей части сельского населения*. А по декрету В. Ц. И. К. от 22 июня 1918 г. об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями—хлеб, предметы первой необходимости и простейшие сельско-хозяйственные орудия должны отпускаться деревенской бедноте, при наличности известных условий, либо *бесплатно*, за счет *государства*, либо со скидкой с твердых цен от 15 до 50%, а, при наличности других условий, сложные сельско-хозяйственные орудия для общественной обработки полей и уборки урожая также должны предоставляться деревенской бедноте в *бесплатное пользование*.

Пролетариат одной из самых отсталых капиталистических стран, пролетариат России, став у власти, решительнее всех других порвал с капиталистическим строем и идет твердо по пути социалистического устройства всех областей жизни трудящихся масс. Здесь намечены только самые общие контуры его социального законодательства, его безпримерного эксперимента во всех областях жизни. Лишенный общения с властными организациями пролетариата других стран, на каждом шагу подстерегаемый хитрейшими и жесточайшими врагами, в смертном предчувствии пытающимися судорожно сдавить ему горло, он, тем не менее, хотя и с неизбежными ошибками, с неизбежными уклонениями в сторону, твердо шествует в обетованную землю соци-

ализма и коммунизма. Всестороннее и подробное освещение его деятельности в этом направлении потребовало бы не одну толстую книгу. Мы ограничиваемся здесь только краткими указаниями. Но и этих кратких указаний достаточно для того, чтобы убедиться, что в лице пролетариата мы имеем творцов нового мира, победителей природы, жизнерадостных зодчих, возводящих всемирное светлое здание социализма, в котором всем найдется достойное каждого место.

Счастливы те, кому пришлось и приходится класть первые камни, подводить фундамент этого величественного, дух возвышающего и освобождающего здания.

~~БИБЛИОТЕКА~~
ЛЕНИНГРАДСКОГО
~~ФИЗИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО~~
ИНСТИТУТА.

*книг. № ~~162960~~
0952-1*